

На правах рукописи

Шакуров Рашит Закирович

**ИСТОРИКО-СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ И
АРЕАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
БАШКИРСКОЙ ТОПОНИМИИ
ЮЖНОГО УРАЛА И ПРЕДУРАЛЬЯ**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(башкирский язык)

Диссертация
в виде научного доклада на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа-1998

Работа выполнена в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Официальные оппоненты:

член-корреспондент Национальной академии наук
Казахстана,

доктор филологических наук, профессор **К. М. Мусаев**

член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Санктбатгалов**

академик Международной тюркской академии,

доктор филологических наук, профессор **Р. Х. Халикова**

Ведущая организация – Стерлитамакский государственный
педагогический институт

Защита состоится « ___ » _____ 1998 г.

в _____ часов на заседании диссертационного совета Д-064.13.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Башкирском государственном университете по адресу: 450074, Башкортостан, г.Уфа, ул.Фрунзе, 32, главный корпус.

С научным докладом можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Научный доклад разослан « ___ » _____ 1998 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

М.Ф.Гайнуллин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящем научном докладе изложен опыт комплексного историко-стратиграфического и лингвогеографического исследования башкирской топонимии как целостной системы с привлечением материалов по всем основным ее типам и разновидностям (гидронимия, оронимия, ойконимия), включая по мере необходимости и микротопонимию. Отдельная глава работы посвящена актуальной, особенно в свете практического применения топонимов, проблеме орфографии собственных имен в башкирском языке. Исследование проводится также на основе сопоставления топонимии Южного Урала и Предуралья, т.е. современного и исторического Башкортостана, с топонимией других, причем не только близких, но и в ряде случаев отдаленных регионов. Таким образом, привлекая топонимический материал во всем его многообразии не только во внутривидовом, но также и в региональном плане, используя по мере необходимости методы картографии, мы стремились к наибольшей достоверности своих выводов и наблюдений. То же самое следует сказать и в отношении использования данных смежных наук – археологии, этнографии, географии, а также в определенной мере мифологии и фольклора. При этом, безусловно, необходимо исходить из того, что «только лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они создаются и употребляются»¹. Исходя из сказанного, мы ставили перед собой прежде всего задачу исследования топонимии современного и исторического Башкортостана как специфического раздела башкирской лексикологии, путей ее формирования, исторического развития и функционирования в языке.

В научном докладе обобщены основные положения исследований, проведенных нами в 1973-1998 годах. По теме научного доклада опубликовано несколько книг, 28 статей, тезисов, докладов и сообщений на международных, всесоюзных, региональных научных конференциях общим объемом свыше 40 п.л.

Актуальность исследуемой темы. Топонимика в Башкортостане как самостоятельная отрасль науки прошла к настоящему времени довольно длительный путь развития и становления. Прделана значительная работа по выявлению закономерностей возникновения и функционирования топонимической системы башкирского языка, установлению основных этапов ее эволюции начиная, в целом, с конца I тысячелетия н.э. до наших дней. В ряде исследований башкирские топонимы проанализированы с лексико-семантической, структурно-словообразовательной, этимологической, отчасти лингвогеографической точек зрения, описаны способы образования имен собственных и принципы номинации в топонимии в сравнении с нарицательными словами, рассмотрена географическая терминология башкирского языка, составлены первые топонимические словари. Имеются работы, в которых содержится характеристика топонимической стратиграфии по группам языков применительно к отдельным регионам Южного Урала (например, к бассейнам рек Дёмы и Сакмары). Представляют интерес статьи, посвященные выявлению тех или иных напластований в топонимии Башкортостана, которые восходят к языкам древних финно-угорских и иранских племен, принявших участие в этногенезе башкир.

Между тем дальнейшее развитие топонимики как специфического и весьма актуального направления научного исследования выдвигает новые задачи и проблемы. Прежде всего, в собственно лингвистическом плане наряду с лексико-семантической классификацией топонимов (в т.ч. гидронимов, оронимов, ойконимов и т.д.) наиболее плодотворным представляется использование метода выявления топооснов и топоформантов. Причем рассматривать эти компоненты географических наименований нужно не в отрыве друг от друга, а в неразрывной связи: во-первых, топооснова и топоформант – это «две неизменные составные части топонима»²; во-вторых, нередко только такой подход может помочь исследователю избежать ошибок при отнесении топонима к тому или иному ряду наименований, а следовательно, и при этимологических изысканиях. Приведем несколько примечательных для башкирской топонимии примеров. Известный топонимист А.К.Матвеев установил в свое время, что ороним Большой Шатак – название наиболее значительной горы хребта Баш-Тау в Белорецком районе – в самом башкирском языке функционирует в формах Бишитск, Бештск и имеет прозрачную основу в знач. «пять подолов (оборок)» в смысле «пять склонов», «пять подъемов» (*биш*, *беш* – «пять», *умск*, *смск* – «подол», «оборка», «подошва горы», «склон»). (Вариант названия: Биштау – «пять гор»)³.

Искаженная форма Большой Шатак (или просто Шатак) возникла, по-видимому, в результате переосмысления башкирского Бештск в виде Б.Шатак (Большой Шатак). По такой же аналогии произошло «преобразование» в русской географической литературе наименования речки Бешске в Бурзянском районе, которое (через «промежуточную ступень» в форме Б. Апшак) закрепилось за названиями двух речек в формах Большой и Малый Апшак. В ходе длительного употребления в языке произошло сращение основ с последующим упрощением второго компонента в двусоставном названии деревни МеГ–Атъетсп (Мин-Атзитарово, где *меГ* – этноним, *Атъетсп* – антропоним), в результате ойконим вошел в современные справочники в форме Меньетсп (Минзитарово). В ойкониме ТSpjsgsцe (Турсагалино), образованном от

¹ Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – С. 6

² Суперанская А.В. Что такое топонимика? – С. 102.

³ Матвеев А.К. Вершины Каменного пояса: Названия гор Урала. Издание 2-е. Челябинск, 1990, С. 251.).

гидронима TSpjrsqce (Турсагазы), древнебашкирский компонент *sqce* (*ъацы*) в значении «река, речка» оказался искаженным до неузнаваемости и в русском написании преобразован в название по типу имен на -ин(о). Установление подлинных компонентов географических наименований имеет основополагающее значение при решении любых вопросов топонимики. Многократное, переходящее из работы в работу, применение метода выделения топооснов и топоформантов, в отличие от некоторых других принципов топонимики, вовсе не приводит к механическому повторению избитых истин в различных вариациях. Наоборот, тщательное изучение материала создает безусловно надежную базу для выявления реального состава географической номенклатуры применительно к каждому конкретному региону, для более полной инвентаризации апеллятивов, нашедших применение в топонимии. Это имеет также чрезвычайно важное практическое значение, связанное с упорядочением написания топонимов на языке коренного народа национальной республики и выработкой наиболее обоснованных принципов передачи их на русский язык.

Решение задач, поставленных в данной работе, опиралось, таким образом, на возможно более тщательно выверенный в лингвистическом плане топонимический материал. Использование метода выявления топооснов и топоформантов в сочетании с такими основополагающими методами языкознания, как сравнительно-исторический и сопоставительный, приводит к плодотворным результатам и при этимологических разысканиях, на которые автор очень часто опирался в своем исследовании.

Следует подчеркнуть, что комплексное изучение башкирской топонимии в ее целостном виде применительно к той обширной территории, которая представляет собой единый регион древнего и современного расселения башкир, с обращением к таким аспектам анализа, как историко-стратиграфический, лингвогеографический, открывает, кроме развития самой топонимики как науки, довольно широкие возможности для решения многих важнейших вопросов как исторической географии, этнографии, так и истории языка. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, истоки собственно башкирской топонимии (и этнонимии) Южноуральского региона, а следовательно, и специфические особенности башкирского языка уходят в глубину тысячелетий, ко временам Геродота, и, во-вторых, башкиры и предки башкир в прошлом, во все рассмотренные нами века и тысячелетия, неизменно заселяли огромные просторы Южного и значительной части Среднего Урала, Южного Приуралья и Зауралья.

Топонимический материал, в т.ч. башкирская топонимия в целом предстает перед нами как надежный инструмент познания истории народа и его языка.

Цели и задачи исследования. Топонимия содержит в себе бесценную информацию по истории языка, диалектологии, исторической географии и этнографии. Топонимические загадки башкирского языка широко рассматриваются не только в пространственном, но и во временном аспекте. При этом необходимо учитывать замечание известного тюрколога К. М. Мусаева о том, что «еще четко не выявлены специфические черты как национальной топонимии, так и общетюркского, древнетюркского и ареальных пластов топонимии»¹.

Нет необходимости доказывать, насколько сложен вопрос о разграничении этих пластов. Следует лишь подчеркнуть мысль о том, что основные принципы определения языковой принадлежности топонимии исследуемой территории применительно к известному историческому времени «должны вытекать из соответствующих исторических и географических предпосылок»².

Кроме того, одним из надежных аргументов, подкрепляющих и дополняющих эти предпосылки при выявлении специфических особенностей национальной топонимики, являются лексические, фонетические и морфологические показатели. Этой же цели служит изучение диалектных и так называемых реликтовых явлений в топонимии. Что касается более древних пластов тюркских топонимов, то здесь на первый план выступает привлечение данных исторических источников, в которых были зафиксированы некоторые уцелевшие до нашего времени географические наименования. Применение всех этих приемов и методов позволит создать реальную картину расселения древних, средневековых и современных башкир по данным топонимики и вплотную подойти к определению основных этапов истории Башкортостана как научной проблемы. Такое исследование предпринимается в башкирской топонимике впервые, и ее значимость в теоретическом плане сводится к разработке единых принципов решения как историко-стратиграфических, так и историко-ареальных проблем изучения топонимии конкретного региона исходя из целостного, системного подхода к тюркской топонимике как специфической отрасли тюркологии.

Объектом исследования является топонимия современного и исторического Башкортостана в сопоставлении с данными архивных, документальных, исторических и иных источников. При этом под определением «современный» мы имеем в виду территорию Республики Башкортостан, основные контуры которой сформировались в период с 1917 по 1934 годы. (Полагаем, что наиболее оптимальный вариант карты Башкортостана, с учетом реального расселения башкир к началу XX в. в пределах Большой Башкирии, был составлен в 1917 году Ахмет-Заки Валидовым и в наше время введен в научный оборот³. Территория БАССР претерпела в 20-30-е годы ряд существенных изменений и в результате оказалась во многом деформированной). Понятие «исторический Башкортостан» не ограничивается современными

¹ Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. Отв.ред. доктор филологических наук А.А.Юлдашев. – М.: Наука, 1984, с. 187.

² Попов А.И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. – М., 1964, с.39.

³ Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996, с.38.

административными границами, а вбирает в себя обширную территорию фактического расселения башкир как в прошлом, так и в настоящем. В соответствии с этим можно вести речь о едином ареале башкироязычных наименований как основного, ведущего напластования в топонимической стратиграфии Южного и частью Среднего Урала. В свою очередь по наличию ведущего напластования данный регион правомерно выделить на карте Евразии в отдельную Южноуральскую топонимическую провинцию со своими специфическими особенностями.

Источниковой базой для исследования послужили документы по истории Башкортостана, башкирские шежере, различного рода списки населенных мест и справочники административно-территориального деления, истории деревень, географические карты, этнографическая и краеведческая литература, труды историков и географов древности, средневековья и более поздних времен, записки путешественников, топонимические словари Башкортостана и других регионов. Автором в 70-80-е годы в результате фронтальных обследований более чем 200 населенных пунктов Башкортостана, Курганской и Челябинской областей выявлен и зафиксирован богатый полевой материал. Топонимическую картотеку Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, насчитывающую ныне 80 тысяч единиц, дополнили более 10-и тысяч собственноручно переписанных автором в специальные карточки и паспортизированных географических наименований. (Естественно, что фонды этой ценнейшей картотеки, созданной усилиями и трудом целого поколения башкирских топонимистов, используются и в нашей работе.)

Методы исследования. Автор в своих работах выступает последовательным приверженцем углубленного изучения топонимии конкретного национального (историко-этнографического) региона как единой системы, с привлечением фактов и явлений как смежных, так и отдаленных территорий. При решении задач историко-стратиграфического и этимологического анализа использованы диахронический и синхронно-сопоставительный методы. Большое внимание уделяется проблеме выявления топооснов и топоформантов. Работа убеждает также в том, что общепринятый в языкознании сравнительно-исторический метод исследований применительно к топонимике может стать наиболее результативным при использовании экстралингвистических данных (сведений по археологии, истории, этнографии, географии и т.д.), а также приемов картографии и лингвогеографии.

Методологическую основу исследования составили теоретические постулаты, согласно которым факты и явления действительности рассматриваются прежде всего с точки зрения историзма и системности. Определенную систему с присущими ей закономерностями возникновения и исторического развития во взаимодействии и взаимообусловленности с другими факторами представляет и башкирская топонимия. В соответствии с таким подходом мы неизменно опирались на основополагающие научно-теоретические положения по ономастике, разработанные в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Научная новизна работы. В данной работе нашли отражение основные и представляющие к настоящему времени наибольшую актуальность результаты исследований, изложенные автором в его сочинениях по топонимии Башкортостана. Следует заметить, что этому предшествовало проведенное нами в начале 70-х годов комплексное изучение топонимической системы отдельно взятого ареала на примере бассейна реки Дёмы, в ходе которого разработаны принципы классификации географических наименований по лексико-семантическим признакам, принципиально отличающейся от всех применяемых до той поры в тюркологии классификаций. К сожалению, данная классификация стала повторяться во многих работах без какой-либо новации и ссылки на автора.

Автором в свое время впервые в башкирском языкознании была проделана значительная работа по выявлению основных закономерностей стратиграфии топонимии по группам языков (тюркских, славянских, древних финно-угорских и иранских) и ее системному описанию, были детально охарактеризованы структурные типы башкирских топонимов. Решение перечисленных задач совместно с исследованиями других топонимистов Башкортостана стало предпосылкой для постановки новых научных проблем. В данном случае историко-стратиграфический и лингвогеографический анализ башкирских топонимов, проводимый на основе сравнительно-исторического и сопоставительного изучения, нацелен прежде всего на определение территории расселения древних, средневековых и современных башкир и выявление важнейших этапов формирования и развития исторической географии Башкортостана. Этой цели служит и раскрытие специфических особенностей башкирских топонимов на лексико-семантическом, фонетическом и морфологическом уровнях, характерных для исследуемого региона. В контексте этих специфических особенностей рассматриваются также диалектные и реликтовые явления башкирской топонимии, ставится проблема более основательного изучения топонимических параллелей Башкортостана с другими, преимущественно отдаленными регионами Евразии, находящимися за пределами основной территории современного расселения башкир.

В работе впервые в республике рассматривается ряд наиболее актуальных вопросов орфографии географических наименований, а также проблемы разработки принципов научной транскрипции иноязычных названий в башкирском языке.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования помогут в целостном виде представить этапы развития и становления башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья с

древнейших времен до наших дней как единой системы. В работе также определены основные особенности истории формирования этнотерритории башкир в древности и их расселения в последующие времена. В то же время, по словам известного башкирского тюрколога Дж.Г.Киекбаева, «изучив башкирскую топонимику, можно уточнить правописание наименований многих населенных пунктов и установить единую норму их написания, что имеет весьма важное значение как для башкирского, так и для русского языков»¹.

Практические задачи, намеченные в свое время Дж. Г. Киекбаевым, и в наши дни остаются актуальными. Более того, в последнее десятилетие в связи с новыми крупными открытиями археологов намного обострился интерес к древним периодам истории и культуры Южного Урала. Существенное значение имеет снятие разного рода запретов и обвинений по отношению к тем, кто осмеливался заглянуть в древнейшие этапы истории своих народов. Научное познание о башкирах и о тюркском мире пополнилось ранее запрещенными трудами известных ученых, в совокупности подтверждающих идею о многокомпонентности происхождения и автохтонности большинства башкирских родов и племен на Южном Урале. В свете этого выполненная автором работа может представить интерес для исследователей как по башкирской топонимии, так и по истории, этнографии, исторической географии Башкортостана и башкир. Ее результаты могут быть отражены при составлении различного рода словарей и справочников (в т.ч. при подготовке нового издания топонимического словаря), при установлении норм правописания географических названий в готовящейся многотомной «Башкирской энциклопедии», а также в процессе упорядочения транскрипции башкирских топонимов на русский язык на карте Республики Башкортостан. Работа может быть использована в сфере образования: в спецкурсах и спецсеминарах по топонимике, учителями школ, гимназий, лицеев, училищ в качестве источника по изучению истории и культуры Башкортостана, башкирского языка.

Апробация работы. Результаты проведенных исследований были изложены в виде докладов на двух конференциях по ономастике Поволжья (Уфа, 1973; Саранск, 1976), на Всесоюзной научной конференции «Участие народов в Крестьянской войне 1773-1775 гг.» (Уфа, 1974), на Второй Южно-Уральской конференции по археологии и источниковедению истории литературы и языка (Оренбург, 1975), на Всесоюзной конференции «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» (Томск, 1976), на IX конференции по диалектологии тюркских языков» (Уфа, 1982), на Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия – памятники культуры» (Москва, 1989), на научной конференции на тему «Профессор Дж. Г. Киекбаев и проблемы алтаистики» (Уфа, 1991), на научной конференции, посвященной проблемам изучения башкирского народного эпоса «Урал-Батыр» (Уфа, 1995), на Международной научно-практической конференции по геоэкологии в Урало-Каспийском регионе (Уфа, 1996). Кроме того, автором разработана программа спецкурса и составлен текст лекций по топонимии Башкортостана для студентов башкирско-русского отделения филологического факультета Башкирского государственного университета, которые он читал в течение 2-х лет в середине 70-х годов; на страницах республиканской печати на протяжении многих лет велись специальные рубрики, посвященные топонимике («Имена и названия», «Загадки топонимики», «История с географией»), в газетах и журналах опубликовано более 100 научно-популярных статей, посвященных пропаганде самих основ топонимики как науки, а также лингвистическому толкованию происхождения отдельных географических названий в тесной связи с историей, географией, этнографией и в более широком смысле – с материальной и духовной культурой народа. Нам в течение нескольких лет пришлось работать в составе авторской группы по созданию первого в республике «Словаря топонимов Башкирской АССР» (Уфа, 1980). Высокую оценку специалистов получила подготовленная на основе кандидатской диссертации монография «По следам географических названий: топонимия бассейна реки Дёмы» (Уфа, 1986).

Работа соискателя по исследованию башкирской топонимии обсуждалась на заседаниях Ученого совета Института истории, языка и литературы УНЦ РАН и отдела языка этого же института и была рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук в виде научного доклада.

Структура научного доклада. Исследование, выполненное в форме научного доклада по совокупности опубликованных трудов, состоит из введения, трех глав и заключения. В работе помещена карта башкирских топонимов Южного Урала и Предуралья. В конце доклада приводится список реферируемых публикаций и рецензий на книги соискателя.

¹ Киекбаев Дж.Г. Вопросы башкирской топонимики // Ученые записки Башкирского государственного педагогического института им. К.А.Тимирязева. Вып. VIII. Серия филологическая. №2.– Уфа, 1956, с.247.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ ВВЕДЕНИЕ

Южный Урал, Предуралье и Зауралье в последние десятилетия привлекают к себе все большее внимание исследователей. Связано это прежде всего с археологическими открытиями, которые коренным образом меняют наши представления о древнейших периодах истории этого своеобразного региона. Большим событием в науке стало открытие в 1959 г. настенной живописи палеолитического периода в известной пещере Шульган-Таш в Бурзянском районе Башкортостана, относящейся к 20-15 тысячелетиям до н.э.¹

Памятники наскальной живописи найдены также в пещере Ямады-Таш или Игнатъевская (верховья реки Сим в Катав-Ивановском районе Челябинской области), а также в пещере Мурадымовская в Кугарчинском районе Башкортостана. Феноменом протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей назвали ученые археологический комплекс Аркаим, представляющий собой укрепленное поселение с прилегающей хозяйственной площадкой и неукрепленными селищами, которое входит в группу аналогичных поселений Южного Урала, названного «Страной городов». (Отметим также, что эта группа городов состоит из двух десятков комплексов, и они рассматриваются археологами как территориальные образования с элементами ранней государственности)².

Важнейшее место среди археологических ценностей Башкортостана заняла найденная экспедицией под руководством А. Х. Пшеничнюка в ходе раскопок 1987-1988 годов³. коллекция золотых и серебряных изделий Филипповского курганного могильника – памятника раннесарматской культуры (нач. IV или V-VI вв. до н.э.), расположенного в междуречье Урала и Илека в Оренбургской области. Богатейшая коллекция разнообразных изделий, выполненных в высокохудожественном «зверином» стиле, по своей ценности может быть поставлена в один ряд с находками самых знаменитых скифских и сакских курганов. Это безусловно свидетельствует о том, что ранние кочевые общества евразийских степей по уровню своего развития ничем не уступали соседним кочевым объединениям⁴.

Ко всему сказанному следует добавить возрастающий – особенно в последние годы – интерес к мифологии и древним эпическим произведениям башкирского народа – кубаирам «Урал-Батыр» и «Акбузат». Сходство отдельных мотивов и сюжетных элементов кубаира «Урал-Батыр» с шумеро-аккадским эпосом о Гильгамеше подтверждает мысль о том, что на первоначальном этапе башкирского этногенеза заметное место занимали ираноязычные племена. Вместе с тем башкирский эпос устойчиво сохранил в себе характерные черты древнетюркской культуры Урало-Алтая и Центральной Азии. Описанные здесь события от начала до конца происходят на Урале, который предстает в них как родина башкир.

Коснувшись вопросов этногенеза, можно было бы привести множество аргументов в пользу тезисов о многокомпонентности и автохтонности башкир на Южном Урале. Вспомним, что писал о башкирах С.И. Руденко: «Народ этот образовался... в результате смешения разнородных, как европеоидных, так и монголоидных племен»⁵.

К тому же исходным типом башкир он считал древнейшее европеоидное население Южного Урала начала I тысячелетия нашей эры. Согласно новейшим исследованиям, антропологические типы башкир состоят из следующих территориальных вариаций: 1) светлый европеоидный тип, 2) субуральский расовый тип, 3) понтийский расовый тип, 4) памиро-ферганский расовый тип, 5) южносибирский расовый тип⁶.

В силу этноязыковой многокомпонентности своего происхождения и автохтонности башкиры унаследовали важнейшие элементы духовной и материальной культуры древнейших племен и народов Южного Урала. В течение длительного времени они создали развитую и богатую по своему составу топонимическую систему региона. На исследуемой территории пласты башкирско-тюркской в своей основе топонимии прослеживаются нами на протяжении более чем двух тысячелетий. В ней сохранилась значительная прослойка топонимов, а также топооснов и топоформантов, которые восходят к языку древних иранских и финно-угорских племен Южного Урала. Многие из них, как отмечалось выше, приняли непосредственное участие в этногенезе башкир, оставив такой же яркий след в их антропологическом типе, как и в языке и топонимии. В качестве уникального примера можно привести индоевропейский в своей основе компонент *ман*, который сохранился также в других тюркских языках в составе топонимии, этнонимии, антропонимии, космонимии в качестве реликтового явления⁷.

В башкирской топонимии особый интерес представляют наименования, состоящие из форманта *ман* в сочетании с другой, прозрачной по своей семантике, иногда со специфически башкирской основой по типу

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XVI века. Отв. ред. доктор ист. наук Х.Ф. Усманов. – Уфа: Китап, 1996, с. 22.

² Зданович Г.Б. Аркаим // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996, с. 124-125.

³ Башкортостан: Краткая энциклопедия, с. 610

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XVI века, с. 60.

⁵ Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. – М.: Л, 1955.

⁶ Башкортостан: Краткая энциклопедия, с. 122.

⁷ Джанузаков Т.Дж. Основные проблемы ономастики казахского языка: Автореферат диссертации доктора филол. наук. – Алма-Ата, 1976, с. 64-65.

Маньяцы (*ман* + башкир. *ьяцы* «река, речка»), Мансацы (*ман* + башкир гидроним. термин *сацы* в знач. «наледь», «речка с наледью») или определяющим словом типа Ыарлыман, где *Ярлы* «снежная» (гора, река) + *ман*. Активное участие форманта *ман* в топонимобразовании Башкортостана свидетельствует об устойчивом характере древнеиранских элементов в башкирском языке.

Если формирование развитой на Южном Урале системы топонимии, созданной предками башкир, определяется нами концом первого тысячелетия до н. э., то к этому же периоду мы относим и появление устойчивого ареала их расселения в регионе. Топонимический материал, наряду с данными археологии, антропологии, исторической этнографии и языка, подтверждает вывод о том, что «не позднее сако-массагетского времени на Южном Урале существовал этнос, сыгравший важную роль в формировании башкирского народа»¹.

Здесь мы имеем в виду прежде всего название такой крупнейшей реки Евразийского региона, как Яик (ЙайыJ / Daiks), упомянутое Птолемеем во II в. н.э., гидронимы с основой *ыJ*, образующие компактный ареал на территории современного и исторического расселения башкир.

Ядро, основа ареала расселения древних башкир на Южном Урале, в Предуралье и Зауралье, несмотря на значительные изменения по всему периметру (в течение XVII-первых десятилетий XX в. – в сторону постепенного уменьшения), сохранилось до наших дней. В работе намечаются два наиболее важных этапа в развитии исторической географии Башкортостана, определенных периодами до присоединения (середина XVI в.) и после присоединения к России. Ко второй половине XVI в. относится начало нового этапа и в этноязыковой ситуации региона. Башкортостан в течение последующих веков становится многоязычной страной. Формирование башкирского этноса как народности и нации происходило здесь в тесном контакте со славянскими, финно-угорскими и близкими по языку тюркскими народами, среди которых наиболее многочисленными являются русские, татары, чуваша, украинцы, марийцы, удмурты и др. Это наложило отпечаток и на топонимию региона, ибо каждый народ, каждая нация, как справедливо отмечает А.А.Камалов, «привносит свои специфические формы и нормы номинации в общую топонимическую систему»².

Иноязычные топонимы Башкортостана на примере географических названий бассейна реки Дёмы рассмотрены нами в специальной главе книги «По следам географических названий» (Уфа, 1986, с.83-135). В ней выделены и исследованы древние иранские и финно-угорские наименования, выявлены группы монгольских топонимов, локализуемых в бассейне реки Дёмы, в южных и северо-восточных районах современного расселения башкир. Верхний слой топонимии Башкортостана, наряду с башкирским, представлен русскими, татарскими, украинскими, чувашскими, марийскими, мордовскими, удмуртскими и другими названиями. Кроме того, все наиболее известные (основные) топонимы региона, независимо от их происхождения, функционируют во всех этих языках и представляют собой в целом единое достояние всех народов, населяющих Республику Башкортостан.

Интенсивное исследование топонимии Большого Урала, составной частью которого является Башкортостан, связано с именами Дж. Г. Киекбаева, А.К.Матвеева, А.С.Кривошековой-Гантман, Ф.Г.Хисамитдиновой, А.А.Камалова, М.Г.Атаманова, М.Г.Усмановой, Н.И.Шувалова и др. Башкирской топонимии уделяется внимание также в трудах таких ученых-тюркологов, как К.М.Мусаев, Г.Ф.Саттаров, Ф.Г.Гарипова, Л.Ш.Арсланов, М.В.Зайнуллин, Т.М.Гарипов, З.Г.Ураксин, Э.Ф.Ишбердин, Р.Х.Халикова, Н.Х.Ишбулатов и др.

Автор надеется, что данная работа будет воспринята как стремление по-новому решать ряд актуальных вопросов изучения башкирской топонимии Южноуральского региона.

¹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI века. – Уфа, 1994, с.75.

² Камалов А.А. Башкирская топонимия. Отв.ред. член-корр. РАН Э.Р. Тенишев. – Уфа, 1994, с. 4.

ГЛАВА I

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ТОПОНИМИИ БАШКОРТОСТАНА

Исследование топонимии в хронологическом плане – построение топонимической стратиграфии – имеет свои специфические особенности, связанные с многослойным характером географической номенклатуры не только во временном, но и в языковом отношении. Топонимическая стратиграфия может быть построена, во-первых, для последовательного выявления напластований географических названий конкретной территории, относящихся к разным языкам, и, во-вторых, в целях освещения основных исторических этапов формирования и развития ведущего пласта, восходящего к языку коренного народа того или иного региона. В данной работе представляется целесообразным сосредоточить основное внимание на вопросах исторического развития ведущего напластования – башкирской топонимии Южного Урала и прилегающей части Среднего Урала, Южного Предуралья и Зауралья.

Начало формирования топонимической системы Южного Урала и Предуралья связано с древнейшими периодами расселения в регионе как ираноязычных, финно-угорских, так и ранних тюркоязычных предков башкир.

Наиболее крупным, ведущим напластованием в топонимии всего Южного и, частью, Среднего Урала, Предуралья и Зауралья, с выходом за пределы данного региона (особенно, если иметь в виду левобережье Волги с бассейном реки Большой Иргиз, рассматриваемого в определенной мере как центр этого ареала), являются башкирские географические наименования, первые упоминания о которых восходят ко временам Геродота (V в. до н.э.). Это так называемый скифский период в истории народов евразийских степей, охватывающий VII-II вв. до н.э., или, по определению Н.А.Мажитова и А.Н.Султановой, сако-массагетское время применительно к отдаленному прошлому племен Южного Урала¹.

В археологии данный период времени принято относить к эпохе раннего железа. В исторической науке существует довольно обширная литература т.н. скифо-сарматской тематики. По ходу анализа топонимического материала мы будем останавливаться на тех работах и их положениях, которые имеют непосредственное отношение к исследуемому вопросу. В то же время в качестве предварительного замечания отметим, что, по мнению целого ряда ученых, скифо-сарматский мир отнюдь не был однородным и в нем – наряду с ираноязычными – определенное место занимали и тюркские племена. Ономастический материал, оставшийся от скифов, невелик по объему, но, тем не менее, он вполне убедительно подтверждает мысль ученых о том, что часть скифов говорила на тюркском языке².

Этот вывод в полной мере и прежде всего касается предков башкир, живших на Южном Урале (т.е. в целом на территории их современного расселения) еще в эпоху Геродота. Их потомки сохранили богатое топонимическое наследие региона и донесли его до наших дней.

Проблемы стратиграфии топонимии тюркоязычных регионов рассматривались в работах Ф.Г. Гариповой, Л. Гулиевой, Е. Койчубаева, О.Т. Молчановой, А.А. Абдрахманова, Г.Ф. Саттарова, Дж.Латыпова и др. Вопросы тюркской топонимической стратиграфии исследуются К.М.Мусаевым в его книге «Лексикология тюркских языков» (М., 1984). Необходимо обратить внимание на его слова о том, что топонимический пласт любого языка «нельзя рассматривать как неподвижный слой, появившийся однажды и навечно закрепившийся». В подтверждение этой мысли на примере башкирской топонимии Южноуральского региона мы увидим чрезвычайно мощное во временном и территориальном, а также в количественном отношении напластование, представляющее по существу уникальное и еще далеко не в полной мере оцененное для отечественной науки явление. В соответствии с основными этапами исторического развития Башкортостана³ мы выделяем здесь следующие пласты географических наименований:

Топонимы сако-дахо-массагетского времени (VII-II вв. до н.э.). Выше мы уже коснулись анализа сведений греческого историка V в. Геродота о народах, живших в районе Уральских гор, вернее, в регионе от Южного Урала до Приаралья. Впрочем, в его описании наибольший интерес представляют для нас прежде всего народы по имени аргиппеи, фиссагеты и иирки. «За рекой Танаисом, – пишет Геродот, – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни сажених деревьев»⁴.

Выше их обитают, владея вторым наделом, те самые будины, имя которых Дж.Г.Киекбаев отождествлял со словом *будун* «народ» древнетюркских надписей. За будинами, через незаселенные земли на семь дней пути Геродот располагает «многочисленное и своеобразное племя» фиссагетов, которое, видимо, можно понимать как массагеты. «В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки. И те, и другие живут охотой». «Над иирками к востоку, – пишет далее Геродот, – живут другие скифские племена.

¹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI века, с. 75.

² Киекбаев Дж.Г. Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов. // Памяти В.А.Богородицкого. – Казань, 1961.

³ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI в.

⁴ Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Кн. четвертая. – М., 1993, с. 192.

Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю.»¹ Читая эти строки, впору обратиться к археологическим открытиям последних лет, возможно, имеющим какую-то связь с этими самыми геродотовыми царскими скифами. Речь идет о древнейшем центре металлургии в окрестностях села Каргалы близ Оренбурга, просуществовавшем с начала третьего до первых веков первого тысячелетия до н.э., – центре, который по своему значению для мировой цивилизации, как писала недавно «Российская газета», стоит в одном ряду с легендарными «копьями царя Соломона» у Мертвого моря. Полагают, по словам профессора Е.Н.Черных, что «именно каргалинцы через некоторое время достигли нагорий Ирана, чтобы в числе других народов положить начало древнейших царств Персии, а месторождения в Каргалах были заброшены».²

И вот за страной тех племен, освободившихся «от ига царских скифов», «земля уже твердая, как камень, и неровная». Если учесть, что, по Геродоту, «вплоть до области этих скифов упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы», то с большой долей вероятности можно представить себе обширные степные просторы в междуречье Волги и Урала до современного Оренбуржья. Судя по дальнейшему тексту «Истории» Геродота, аргиппеи жили в горно-лесной зоне средней полосы современного Башкортостана.

Этноним *тазлар* (*тацлар*, *тацлар*) у башкир, с которым Дж.Г.Киекбаев идентифицирует плешивых аргиппеев, действительно восходит к основе *таз* (*тац*) «плешивый» (+ *-лар* – аффикс мн.ч.). Племя это входит в состав табынской родоплеменной группы. Этноним *таз* (*тац*) отмечен также в составе североалтайских кумандинцев (*сеок тас*), в Младшем и Старшем жузах казахов (*таз*, *тазлар*,; *тастар-аргын*, *таскоян*), киргизов (род *таздар* племени сарыбагыш), узбеков (род *тас-катаган*), туркменов (*тазы* или *дазы*) и ногайцев (род *таз*)³.

Р.Г.Кузеев (со ссылкой на Л.П.Потапова) пишет об этнической близости тастаров и телеутов и сообщает об их исторической связи с монголами, считая, что происхождение их восходит к древнетюркским образованиям. По его мнению, племя *таз* (*тац*, *тацлар*), будучи частью табынского родоплеменного объединения, в Приуралье мигрировало в составе табынской группы в конце XIII-XIV вв.⁴ Однако в свете анализа сведений Геродота о плешивых аргиппеях взгляд на данную проблему кардинально меняется. В случае с племенем тазлар мы имеем дело, видимо, с тем явлением, когда в определенные периоды времени отдельные древнебашкирские роды и племена или группы этих родов и племен мигрировали в совершенно обратном направлении – не только на Урал, но и с Урала на восток, запад или на юг. Ведь каргалинские металлурги Южного Урала, прожившие здесь целых два тысячелетия, самым загадочным образом еще задолго до Геродота покинули родные места и оказались в Иранском нагорье. В последующем, при иных исторических обстоятельствах, отдельные группы потомков тех же самых племен могли возвратиться на историческую родину – на землю предков. В этом феномен древнебашкирской истории, представляющий для нас картину, напоминающую морские приливы и отливы. При этом, безусловно, Южный Урал, его горы и степи, во все времена оставались центром, ядром этногенетических процессов, связанных с формированием и развитием башкирского народа. Именно такую идею утверждает и развивает башкирский героический эпос «Урал-Батыр». В соответствии с этой точкой зрения этноним *таз*, *тазлар* // *тац*, *тастар* в составе ряда других тюркоязычных народов связан своим происхождением с древнебашкирским *таз*, *тазлар* (*тац*, *тацлар*, *тацлар*), который, будучи одним из древних на Южном Урале, восходит в свою очередь к геродотовым плешивым аргиппеям.

В топонимии Башкортостана от этнонима *тазлар* образованы: *Тацлар* (Тазларово), *Иже Тацлар* и *Ягы Тацлар* (Старотазларово и Новотазларово) – наименования башкирских сел в Зианчуринском и Бураевском районах РБ, *Тацлар* (Тазлар) – назв. бывшей дер., ныне части гор. Давлеканово, *Тацлар Сузге* – ложб. в окрестностях дер. Кужанаково Зианчуринского района. Ряд топонимов с основой *тац* имеется в Татарстане: р. *Тацлар*, лев. пр. р. Ик, бывш. назв. деревень *Иже Тацлар* и *Ягы Тацлар* (совр. Ташшишмс и Байкал) в Арском р-не, *Тазлар* – офиц. назв. дер. Кудаш Высокогорского и дер. Могез-Елга Альметьевского р-нов. Вне всякого сомнения, они также восходят к древнейшему башкирскому этнониму тазлар. Этой же позиции в данном вопросе придерживался в свое время и Г.Ф. Саттаров⁵.

Особую ценность в рассказе Геродота приобретает для нас слово «асхи», сопоставляемое с башкирским *асыкы* (*асы кыуы*), *асы кыу*. Лексема асхи < асы кыу в значении «кислый, горький напиток» по своему фонетическому облику является собственно башкирской по двум важнейшим позициям: по линии соответствия башкирского *с* и □ общетюркскому *ч* и *с*. Ясно, что в слове *асы кыу* > *асхи* отразилась специфика именно башкирского языка, поэтому совершенно неправы те исследователи, которые стараются приписывать его одновременно и татарскому языку, утверждая, будто речь идет «о напитке татар и башкир,

¹ Там же.

² Громов В. «Наши» копии царя Соломона // Российская газета, 9 февраля 1996 г. – с. 4.

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М.:Наука, 1974, с.355.

⁴ Там же.

⁵ Саттаров Г.Ф. Башкирский компонент в топонимии Татарии // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике. -Уфа, 1986, с.97-98.

приготовляемом из вишни и называемом ими *ачы, сче* (по-татарски) или *асы, ссе* (по-башкирски)»¹.

На самом же деле мы имеем дело только с основами в форме *асы* («кислый, горький») и *кыу* («вода, напиток»), т.е. со спецификой, свойственной башкирскому языку, а следовательно, с одним из древнебашкирских племен в лице тех самых плешивых аргиппеев. Обращает на себя внимание и то, что многие этнографические элементы, сообщаемые Геродотом, совпадают с описаниями башкир более позднего времени. Аргиппеи у Геродота «говорят на особом языке», живут в белых юртах. (Известно, что белая юрта у башкир, воспетая в народных песнях, до сих пор считается одним из символов вольной степной жизни на земле предков). Историк древности сообщает и такие подробности: «Скифы же, когда приходят к аргиппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках». Следовательно, язык их действительно развивался обособленно, потому еще в те отдаленные времена, видимо, заметно отличался от других тюркских языков. Вызывают интерес и слова Геродота о том, что аргиппеи «почитаются священными» и что «они улаживают распри соседей» и т.д. Смысл этого сообщения надо искать в своеобразии духовной культуры древних башкир, в особенностях башкирской мифологии, нашедшей наиболее яркое выражение в народном эпосе. Заслуживает внимания в этой связи мысль о том, что «уже со времени V-I вв. до н. э. ... на Южном Урале существовал этнос – носитель религиозно-философских и космогонических представлений, отраженных в эпосе «Урал-Батыр». В этом смысле дахо-массагетские, исседонские племена этого времени можно рассматривать как один из древнейших компонентов, сыгравших важную роль в сложении древнебашкирского этноса»².

Еще одна деталь, которая находит параллель в фольклорных (сказочных) сюжетах башкир. Это, как пишет Геродот (со ссылкой на тех самых плешивых) козлоногие люди, обитающие на горах выше области аргиппеев. Показательно, что такого рода мифические персонажи довольно широко распространены в башкирских волшебных сказках.

К северу от Скифской земли, по Геродоту, обитают гипербореи, о которых он пишет со ссылкой на Гесиода и Гомера. По многим признакам, в т.ч. по обычаю стричь волосы, и, что еще более важно, – по особому почитанию, которое проявляют к ним другие народы, они близки к тем же плешивым аргиппеям. Из страны гипербореев еще раньше Лаодики и Гиперохи прибыли в Делос «две молодые женщины вместе с самими божествами [Аполлоном и Артемидой], и делосцы им также воздают почести».

По Геродоту, к востоку от лысых живут исседоны. В археологической науке принято считать свидетельством былого пребывания исседонов в Среднем Зауралье сохранившееся до сих пор название реки Исеть³.

Выше исседонов располагаются, по их рассказам, «одноглазые люди и стерегущие золото грифы». Зовут их по-скифски аримаспы: «арима» у скифов значит единица, а «спу» – глаз⁴.

По археологическим данным, аримаспы и плешивые аргиппеи также близки между собой. С ними связана группа памятников, представленная «небольшими курганами – басырык (бајырыҗ), насыпи которых состоят из чистой каменной кладки или из камней вперемишку с землей»⁵. Это понятие в виде термина *пазырык* известно также тувинцам. Пазырыкскими были названы всемирно известные каменные курганы Алтая⁶.

Следовательно, в «Истории» Геродота представлен рассказ не об одном только племени древних башкир-аргиппеев, но и своего рода цикл рассказов о древнебашкирских племенах, полученных им из разных источников.

Среди башкир довольно распространенным было до недавнего прошлого личное имя Искужа, Ишкужа. Встречается и фамилия Искужин, есть несколько деревень Искужа (Искужино). Имя деда выдающегося башкирского поэта XIX в. Мифтахетдина Акмуллы зафиксировано в ревизских сказках 1816, 1834 и 1850 годов в форме Ишкуза. Можно предположить, что в этих именах сохранилась память о самоназвании скифов Ишкуза (Ашкуза, Ишкуз), известном еще в VII в. до н. э.⁷

Следы древних саков довольно устойчиво запечатлелись в топонимии и этнонимии на обширной территории от Башкортостана до Якутии (Саха) на восток и до Азербайджана и Крыма на юг и юго-запад. Этой теме посвящена нами специальная статья в книге «Свидетельствуют имена» («Исемдәрүс – ил тарихъ», 1993, с. 72-73). В ней название известной горы и поселка *Шкетая* (*Шакетая*; на картах – искаженное *Шахтау* в Центральном Башкортостане рассматривается нами в одном ряду с наименованиями: Шеки, Шаки – нас. пункты в Азербайджане, Армении и Полтавской области, Сака, Саки – села в Латвии, в Крыму, в Брестской и Смоленской областях. Названия речки Шекша, лев. пр. Уфы, и пгт Шакша в Уфимском, речки Шака в Давлекановском (с. Микяшево) р-нах РБ также восходят, по нашему толкованию, к данному этнониму. Самоназвание якутов – саха, наименование родового подразделения хакасов – сагай и др. на Енисее также

¹ Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана. Отв.ред. М.З.Закиев. – М.:Наука: 1991,с.106.

² Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI в., с.57.

³ Там же, с.54.

⁴ Геродот. История, с.193.

⁵ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI в., с.54.

⁶ Там же, с.54., 88.

⁷ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах.-М., 1961, с.35-36.

связаны с этнонимом *сак, сака*. В имени одной из крупных рек Южного Урала – Га́лмар (*Сакмар*, на картах *Сакмара*), прав. пр. р. Урал в РБ и Оренбургской обл. с большой долей вероятности может быть выделен тот же самый компонент *каJ, сак*. Река эта протекает в самом центре расселения как современных башкир, так и их предков. В то же время это и ареал расселения древних саков на Южном Урале. Названия ж.д. станции Саксин в Астраханской обл. и хазарского города Саксин вполне уместно возводить к этнониму сак. Наконец, гидронимы Сак и Сок (наименования рек в Оренбургской и Самарской обл.) имена фольклорных персонажей СаJ – СуJ (Сак и Сок) хранят в себе информацию о древних саках.

Топонимы гуннской (II в. до н.э. – V в. н.э.) и древнетюркской эпохи (VI-VIII вв. н.э.). II-I вв. до н.э. на Южном Урале и в Поволжье ознаменовались крупными историческими событиями, приведшими к значительным изменениям в этнокультурном облике населения. Часть сако-дахо-массагетских племен Южного Урала и Поволжья под напором гуннов вынуждена была уйти в Северное Причерноморье, которое до этого занимали скифские племена. «Произошло ... новое смешение народов (племен), языков и культур, и в этом процессе самой активной движущей силой выступили кочевые племена – выходцы из Центральной Азии. Это было началом «великой эпохи переселения народов», апогей которой приходится на IV-V вв. н.э. Под влиянием гуннов в степях Южной Сибири, Казахстана, Южного Урала, Средней Азии и Поволжья получают широкое распространение монголоидные элементы в антропологическом типе, а также тюркские языки. В письменных источниках скотоводческие племена этих регионов стали упоминаться под новым собирательным именем – усунь; понимались под ними потомки сако-массагетских племен, смешавшихся с пришлыми гуннами»¹.

Гунны достигли пределов Южного Урала, видимо, во II в. до н.э., что подтверждается их появлением в этот период, по данным Птолемея, в районах Северного Причерноморья. Но в то же время, завоевав огромные территории, покорив страны и народы, гунны сами остались в меньшинстве, и сако-усуньские племена постепенно одержали верх над ними².

На территории Средней Азии и Казахстана образуется в этот период государство Кангюй, регион Южного Урала становится северной окраиной этого государства. В составе Кангюя, по данным Н.Я. Бичурина, почерпнутым им из древнекитайских источников первых веков н.э., выделяются две страны: *Яньцай* и *Янь*. Первая из них, Яньцай, находится в 2000 ли от Кангюя на северо-запад, имеет 100-тысячное войско, прилегает к великому озеру, которое имеет отлогие берега; это есть северное море³.

По мнению современных историков, здесь имелось в виду Каспийское море, и, таким образом, «страна Яньцай включала сако-усуньско-гуннские земли по Северному Прикаспию»⁴. Страна же Янь, из которой Кангюй вывозил дорогие меха, находилась севернее государства Яньцай. Этой страной принято считать Южный Урал. Обращает на себя внимание сходство названий *Янь* и *Яньцай* и возможная интерпретация этих двух имен, в основе которых – башкирское слово *ışn* «душа, дух». Следовательно, страна Янь – это «страна духа». В названии страны Яньцай первый компонент имеет то же самое значение. Дж.Г. Киекбаев связывал название страны Янь с башкирскими племенами *brüşn* (*бурьян, бурзян*) и *тамьян*⁵.

Какими же могли быть мотивы для того, чтобы целую страну (или две родственные страны) назвать столь редким и глубоким по смыслу наименованием, которое, впрочем, перекликается с именем родины абхазов Апсны Јапш «страна души»? В связи с этим надо вспомнить и о плешивых аргиппеях Геродота, которые «почитаются священными», и сходство мифологии древних башкир с «Авестой» – важнейшим памятником зороастрийского учения, и открытия последних лет, характеризующие Южный Урал как один из центров древней цивилизации. Ничего удивительного, если страна, народ которой достиг таких вершин духовного развития, могла быть названа «страной души, духа, духовности».

События, связанные с вторжением гуннов на земли древних башкир, нашли отражение в народном эпическом произведении «Кунгыр-буга», один из вариантов которого был записан и опубликован нами⁶.

Эпоха рубежа нашей эры, когда произошло смешение дахо-массагетов с пришлыми гуннами, предшествовала новому этапу в развитии языка и культуры древних башкир. Значительное влияние на этнические процессы среди народов Евразии оказало образование в 552 г. в Центральной Азии первого Тюркского каганата. Активное проникновение новых групп тюркоязычных племен, усилившееся в периоды существования первого (552-630 гг.) и второго (682-744 гг.) Тюркского каганатов, способствовало окончательному утверждению тюркского языка в среде тюрко-финно-угорского и отчасти тюрко-иранского населения Южного Урала. Говоря о начале первого тысячелетия новой эры, с полным основанием можно вести речь о развитой, сформировавшейся системе тюркской топонимии в регионе.

Одним из самых древних на Южном Урале тюрко-башкирских гидронимов является название крупнейшей водной артерии Евразии – реки *Яик*. (Прежнее название р. Урал. В 1785 г., после подавления Крестьянского восстания под руководством Е.И. Пугачева, в котором активное участие приняли яицкие

¹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI в., с. 78.

² Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. – Л., 1951, с. 80, 144.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М.-Л., 1950. Т. II, с. 150.

⁴ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI в., с. 80.

⁵ Киекбаев Дж.Г. Вопросы башкирской топонимики, с. 231-232.

⁶ БашЈорт халыЈ ижады. Эпос. I-се китап. – Ыфг, 1972; . Башкирский народный эпос. – М.: Наука, 1977.

казаки, переименована в реку Урал). На карте Клавдия Птолемея, составленной во II в.н.э., она нанесена восточнее нижнего течения реки Ра (Волга) в форме Daiks. Ученые единодушны в том, что карта Птолемея с большой точностью отражает географические реалии. Уральские горы на ней выведены под названием Риммийские горы, откуда и берет свое начало река Daiks. У истоков Волги на севере обозначены Гиперборейские горы, следовательно, главной рекой Волги, по представлениям автора, считалась Кама. Название Даик, Яик (у византийского историка Менаандра Ыайх, VI в., у Рубрика Daiks, XIII в., в русских источниках Яик) Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова вслед за К.Ф. Смирновым¹ первоначально возводили к названию племенного объединения дах-даих, которые «с глубокой древности (может быть, с эпохи бронзы) численно превалировали» среди сако-дахо-массагетов². Но с оговоркой, что, возможно, наоборот, имя *Дахи* или *Дай* образовалось от названия реки, и в этом смысле наименование *Джаик* / *Джаих* // *Яик* более древнего происхождения. Вскоре эти авторы с привлечением богатого фактического материала построили весьма убедительную, стройную гипотезу происхождения гидронима *Джаик* // *Ыаик* // *Йайик*³. Пожалуй, нет необходимости специально останавливаться на чередовании в начале слова звуков *дж* ~ *ц* ~ *й*, характерном для тюркских языков. Отметим лишь, что звуки *ц* и *й* и произношение названия в форме *Ыайх* и *Йайы* более всего отражают специфику башкирского языка. Этот специфический вариант произношения гидронима в форме *Яик* (*Йайы*) и закрепился в свое время на всех картах мира. Но самое главное: теперь можно считать обоснованной точку зрения о том, что название великой евразийской реки *Яик* (*Йайы*) связано с именем бога Ыайка (Йайк-хана), широко распространенного среди народов Южной Сибири и Алтая. Йайык-хан был хорошо известен древним башкирам. В эпосе «Урал-Батыр» река Йайык названа по имени одного из сыновей богатыря Урала, а сама река, как повествуется в нем, возникла там, где эпический герой рассек Уральские горы своим булатным мечом. Следовательно, Йайык (Яик), сын Урала, наделен божественной силой. Из этого следует, что и сюжет о возникновении основных уральских рек (Яика, Агидели, Сакмары и Нугуша), и гидроним Яик восходят к представлениям башкир, согласно которым важнейшие водные артерии страны получают имена божественных сил или мифических героев. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова правы в том, что на Урале бог воды и моря Яик-хан отождествлялся с великой рекой, и, возможно, образ Яика возник первоначально на уральской почве, в среде древнеуральских тюрков⁴.

Исходя из анализа гидронима *Яик* и связанного с ним имени божества *Яик-хана*, Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова считают, что тюркоязычные племена расселились на данной территории еще в глубокой древности – в эпоху раннего железа, т.е. не менее чем в X-IX вв. до н.э.

В собственно словообразовательном плане структура гидронима *Яик* (*Йайы*) может быть представлена по следующей схеме: *йай* + *ыJ*. Причем основой наименования (определяемым словом) следует считать компонент *ыJ*, определяющим *-йай*. Основа *ыJ* в этом случае вписывается в ряд однословных гидронимов *ЫJ*, *Ыйы*, *Эйек* (в русской транскрипции *Ик*), распространенных в основном на Урале (от Верхнего Прикамья на севере до басс.р. Сакмары на юге (т.е. на территории исторического Башкортостана) и в Западной Сибири. (Верхнее и среднее течение Урала – Яика приходится на этот же ареал.) Отсюда становится очевидным, что загадка этимологии гидронима *Йайы* связана с толкованием значения компонента *ыJ*. Прав А.К. Матвеев, который писал по этому поводу, что повторяющиеся названия часто образуются от географических терминов, и, не согласившись с версией о финно-угорском происхождении гидронимов на *ыJ*, обратился к тюркским языкам. «Все эти топонимы, – по его словам, – были признаны разновидностями какого-то термина со значением «река»⁵.

Во II томе «Словаря башкирского языка» (М., 1993) находим более десяти слов с основой на *ыJ*, *ыь*. Это в основном глаголы движения, близкие по значению к глагольной основе *аJ-*, *аь-*«течь»: *ыьыу*, (*ыJлашыу*), *ыьыш*, *ыьышыу*, *ыьышлау* (в основе значений этих слов – идея медленного, размеренного движения). От глагола *ыьышыу* «передвигаться (медленно)» образовано и название озера *Ыьышма* (*Ыьышма*) у с. Старо-Субхангулово Бурзянского района РБ. Слово *ыJ* означает направление движения, словосочетание *ыJла килеS* – «подчиниться чьей-то воле, последовать согласно чему-то», *ыJлау*, *ыJланыу*, *ыJлатыу* «направить, направиться в определенную сторону». Отсюда можно сделать вывод, что корневое слово *ыJ* в башкирском и др. тюркских языках действительно имеет значение «течение», но течение не вообще, а, возможно, с признаком медлительности, размеренности, т.е. медленное (раздольное, полноводное). Таковы по характеру течения известные нам реки, в основе наименования которых термин *ыJ*: р. *ЫJ* (Ик)⁶, лев. пр. Камы, *Ыйы* (Ик), рр., прав. пр. Ая и прав. пр. Киги в Северо-Восточном Башкортостане,

¹ Смирнов К.Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. -М., 1977, с.129-139.

² Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI в., с.42.

³ Мажитов Н.А., Солтанова А.Н. БашЖортостан тарихы: Бороньо замандарцан XVI быуатJa тиклемге осор // Аьишел. 1995, №4, с. 91-102.

⁴ Мажитов Н.А., Солтанова А.Н. БашЖортостан тарихы: Бороньо замандарцан XVI быуатJa тиклемге осор // Аьишел. 1995, №4, с.100.

⁵ Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. – Свердловск, 1980, с.103-104; изд. 2-е.—Свердловск, 1987, с. 73-74.

⁶ Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. – Свердловск, 1980, с.103-104; изд. 2-е.—Свердловск, 1987, с. 73-74.

рр. *Оло Эйек* и *Кесе Эйек** (Б.Ик и М.Ик) в басс. р. Сакмары на юге Башкортостана, а также р. *ЙайыJ* (*Яук*). Можно согласиться с мнением о том, что первый компонент данного гидронима – *йай* на самом деле подчеркивает понятие «большая, широкая, полноводная, раздольная, размеренная» и является определяющим словом к определяемому *ыJ*. Слово *йай*, в смысле «широкая, широкое» примыкает к понятиям с этой же основой: *ййла* «плато», *ййны* (диал.) «широкое (поле)», *ййпа* «широкое» (*ЙйпаJ* – оз. в Давлекановском районе РБ в том же знач.). Таким образом, лингвистический анализ наименований рек от основы *ыJ* (*ыйыJ*) наводит на мысль о том, что первичным в этих названиях было собственно гидронимическое обозначение в указанном выше смысле. В гидрониме *ЙайыJ* определяемое слово *ыJ* стали употреблять с определением *йай*. Можно предположить, что не только река *ЙайыJ* (*Яук*), но и реки *БйJ* (*Ик*) у древних башкир были осмыслены в какое-то время как божественные (это, видимо, было периодом мифотворчества предков башкир, периодом зарождения среди них древних религиозных представлений). Вполне логично, если считать таким периодом VII-II века, хотя, возможно, и более ранние века до н.э., когда среди скотоводческих племен Южного Урала «окончательно сформировалась относительно единая система религиозных верований, являющаяся одним из вариантов зороастрийской религии – маздеизмом»¹.

Заслуживает внимания, что названия рекеч Ик в Верхнем Прикамье произносятся коми-пермяками так же, как и тюрки, — в форме *Ык*. А.С. Кривошекова-Гантман, убедившись в том, что версия о пермском происхождении гидронима Ик (Ык) поколеблена, пришла к абсолютно правильному выводу о его связи с башкирской топонимией. Она пишет по этому поводу: «... ясно одно – гидроним пришел в Верхнее Прикамье с юга (вероятно, из Башкирии)»².

Мотив осмысления реки *ЙайыJ* (*Яук*) древними башкирами как священной, божественной и стал, видимо, основой для перенесения этого названия в имена мифологических персонажей, наделенных божественной силой, например, того же Яик-батыра, сына Урала, в эпосе «Урал-Батыр». Более поздним проявлением этого мотива является прибавление к имени реки *Яук* (*ЖайыJ*) эпитета *аJ* в знач. «светлая, священная» у казахов.

Таким образом, гидронимы от основы *ыJ*, *ыйыJ*, в т.ч. название крупнейшей реки Евразии Яик (Даик, Ляик), являющееся одним из древнейших точно датированных наименований на Южном Урале, по всем признакам, тюркское по происхождению, теснейшим образом связано с предками башкир, и ареал распространения имен с основой *ик* (*ыJ*) совпадает с территорией их расселения. Наличие гидронимов с основой на *ик* (*ыJ*) за пределами Южного Урала может свидетельствовать о пребывании в прошлом части башкирских родов или племен в том или ином регионе.

Еще одним, после гидронима Яик, датированным тюркским наименованием, дошедшим до нас с первых веков новой эры, является название наиболее крупной реки региона Урало-Поволжья, впадающей в Каспий, – гидроним *Итиль*, *Итель*, *Идель*, образованный от апеллятива *ицел*, *идел* «большая река». Река Идель в древности – это современная река Волга. Прежнее тюркское наименование этой реки широко культивируется в наше время в Татарстане. В раннем средневековье название Итиль применялось среди тюркских народов по отношению к среднему и нижнему течению реки. По Л. Рашоньи, гидроним *Атиль* существовал еще до н.э.³ Упоминается р. *Итель* во II в.н.э. Клавдием Птолемеем. Менандр (VI в.) записывает это наименование в форме *Итиль*, *Итель*. У Ибн-Фадлана. (922 г.) оно звучит как *ьтил* или *Итил*, (*Атиль*, *Итиль*). Махмуд Кашгари (1074 г.) сообщает: «*льтил* (Атиль) – название реки в стране Кипчак, протекает по стране Булгар, имеет приток, текущий по стране Русь»⁴. Ф.Г. Гарипова, подробно исследовавшая названия с апеллятивом *идель*, пишет: «Арабы, согдийцы и персы, как и тюркоязычные народы, знали начало р. Идель – основной реки – как Агидель. В XIX в. народы, живущие на Средней Волге, главную реку знали также как Агидель. Нократ Иделе (Вятка) и КСк Идел (часть Волги до слияния с современной Камой), Кара. Идел (Уфа., Тфг), Чулман считались притоками р. Агидель. Это отразилось и в языке соседних народов»⁵. У башкир же название одной из главных рек их страны Аньцел (Агидель) активно функционирует в языке и в форме Ицел (Идель), что вряд ли можно считать случайным. Видимо, в древности это было единым обозначением для Волги (Идели) начиная от современной Агидели до самого устья этой реки, т.е. до ее впадения в Каспийское море. В этом случае, естественно, и Кама воспринимается как приток Агидели, что и отразилось, например, в представлениях удмуртов и марийцев, согласно которым не Кама (Чолман), а Агидель является притоком Волги»⁶.

Вариант этого гидронима в форме Ицел (Идель) более древен. Однако, судя по наименованию в форме Белая Воложка в русской географической и исторической литературе XVI-XVII вв., дифференцирование понятий *Ицел* и *Аньцел* произошло намного ранее XVI в.. В то же время в устном употреблении башкир

* Варианты гидронима на *ыJ* в форме *ЫйыJ*, *Эйек* восходят, по всей вероятности, к различным вариантам самого термина: *ыйыJ*, *ыдуJ*, *изых*, *иссык* и т.д.

¹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI века, с.55.

² Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Прикамья: С кратким топонимическим словарем. Пермское кн. изд-во, 1983, с.91

³ Acta linguistica. – Budapest, III, 1953, 13-4, с.347-350.

⁴ Махмуд Кошьярий. Туркий сузлар девони (Девону лугат ит-турк). Т.1/ – Тошкент, 1960, с. 103.

⁵ Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана, с.122-123.

⁶ Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1991, с.26-27.

параллельное функционирование наименования этой реки в форме Ицел является обыденным.

На территории современного Башкортостана гидронимы с основой *ицел* образуют единую систему. Это Аьицел // Агидель (Белая), Ыарицел // Караидель (Уфа) и КСгицел // Кугидель (Дёма). Первые компоненты этих названий: аJ «белая, светлая» (возможно, в значении «река, текущая с южной, полуденной стороны»), Јара «черная, темная» (течет с севера на юг) и кSk «голубая».

Колоритное и довольно многочисленное напластование в топонимии Южного и Среднего Урала составляют наименования, восходящие к апеллятивной лексике и родоплеменной этнонимии эпохи древних тюрков. Основным критерием для выделения этого слоя можно считать, во-первых, наличие наименований, образованных от топоформантов, которые функционировали в древнетюркском языке и зачастую сохранили в себе характерную для языка того времени структуру. Древнетюркским по своему фонетическому строю является, например, гидроним Тйцгрск (Удряк) – название двух речек – Большой и Малый Удряк, лев.пр. Дёмы в Благоварском, Чишминском и Давлекановском р-нах РБ. Восходит к древнетюркскому *odıgak* «утка» (ДТС, 1969, с.377). В современном башкирском языке *odıgak* дало рефлексы *гйрск* и *Spıск* (диал.). Во-вторых, это топонимы, возникшие от наименований отдельных родов и племен, прослеживаемых в составе тех или иных тюркских этнических образований указанного времени.

Ф.Г.Хисамитдинова, исследуя такое фонетическое явление, как употребление специфических консонантных сочетаний типа «сонант + глухой смычный» не только в неразложимых основах, но и на стыке основы и аффиксов, а также на стыке двух слов, характерных для среднего и караидельского говоров башкирского языка (*борогJo* // *порогJo*, лит. *боронью* «древний», *анта*, лит. *унда* «там», *Slte* лит. *Slde* «умер»; *ал та юJ*, *ял та юJ*, лит. *ал да юJ*, *ял да юJ* «нет ни сна, ни покоя») и восходит к языку древнетюркских рунических, древнеуйгурских и части древнебулгарских памятников, пришла к выводу о том, что предки носителей этих говоров, т.е. «катайцы и табынцы* и, возможно, ассимилированные ими другие племена, восходящие к телесской группе племен», заселили Южный Урал еще в начале нашей эры¹. Исходя из этого, она выделяет группу топонимов, связанных по своему происхождению с родственными табынцам племенами тилsS (теле), которые, по мнению Р.Г.Кузеева, сыграли крупную роль в истории Древнетюркского каганата (VI-VIII вв.) «В этот период, – пишет он, – телевцы (преимущественно та их часть, которая кочевала в Джунгарии) расселилась группами далеко на Западе вплоть до Аральского и Каспийского морей»².

Ранее же, в первых веках новой эры, «племена под общим названием теле кочевали главным образом в восточной части Центральной Азии и к северу от Гоби. В хрониках северных китайских династий (IY-YI вв.) племена теле называются гао-гю», которые в то время пребывали, видимо, в составе северных гуннов³.

Этнонимы в форме *теляу* известны, кроме башкир, у казахов, узбеков, каракалпаков. У киргизов известен этот этноним в формах *телес* и *тёёлёс*. К древним племенам *теле* восходят также телеуты, теленгиты и телесы. Башкирские (и казахские) *теляу*, по Р.Г.Кузееву, непосредственно связаны с телеутами. (Поскольку, как он пишет, в этнониме телеут *t* является окончанием, то этнонимы телеут и теляу тождественны). Однако наличие гидронима в форме *Trıslsj* (*Туяляс*) в башкирском Зауралье свидетельствует и об участии этнонима *телес* (*тёёлёс*) в образовании древнебашкирских топонимов. К этому же ряду относится и название башкирской дер. *Trıslsıı* (*Туяляш*) в Кувандыкском районе Оренбургской обл.

Как видим, наименование р. Тгйслsj (*Туяляс*, на картах искаженное Худолоз), прав.пр. Урала в Баймакском и Хайбуллинском районах РБ, действительно «входит в систему наиболее древней топонимии, имеет параллель с названием Телецкого (Тёёлёс) озера на Алтае»⁴.

Территориально гидроним *Trıslsj* (*Туяляс*) входит в целом в ареал расселения башкир племени кубалаяк-тияу. В некотором отдалении от него известна речка *Tıslsııe* (*Телягазы*, на картах *Тельгазы*), прав.пр. Салмыша в Южном Башкортостане и на севере Оренбургской обл. Известны два толкования первого компонента этого наименования: от *тиле* «дурная, шальная» (река) и тилs как этноним *тилsS*.

В основе названия речки *Туймазы* в Западном Башкортостане (а также наименований г. Туймазы на ней и Туймазинского района, двух сел – Старые Туймазы и Новые Туймазы) можно предположить, видимо, древний этноним *тума/туба* (формант *-мы, -цы* – аффикс наличия), который восходит к *дубо* – древнему племенному названию одного из подразделений гаогюнцев-теле. По Рашид ад-дину, племя *тума* (тумат) расселялось в районе верховьев Енисея⁵. Ф. Г. Хисамитдинова увязывает этнонимы *табын*, *дуван* (*-н* – аффикс собирательной множественности) с самоназванием тувинцев *-тыва*, тофаларов – *тофа*, северных алтайцев – *туба-кижи*, *тубалар*, казахов *тама*, рода качинцев – *туба** / *тума* и считает, что в тюркских языках *türpā* //

*Здесь, вероятнее всего, речь может идти о проникновении на Южный Урал в начале новой эры не собственно табынцев, а, скорее всего, лишь о близких им племенах телесской группы. Сами табынцы в течение первого тысячелетия н.э., судя по всему, оставались в Южной Сибири.

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Об этноисторической обусловленности аномальных консонантных сочетаний башкирского языка // Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982, с.68-83.

² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа, с.267.

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа, с. 266-267.

⁴ Хисамитдинова Ф.Г. Об этноисторической обусловленности аномальных консонантных сочетаний башкирского языка, с.75.

⁵ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.1,2. – М.-Л., 1952, с.122.

tübä / tuba(a), наряду с другими, имеет значение род, племенное объединение¹. Р.Г. Кузеев происхождение этнонима *тамьян* возводит к древнему этнониму *тума*. В свою очередь тамьянцы очень близки тангаурам. Оба племени расселены в основном в Юго-Восточном и Восточном Башкортостане. В XVIII-XIX вв. в том регионе выделялась Тамьян-Тангаурская волость. «Эта близость, пишет Р.Г.Кузеев, – является следствием общности этнических основ обоих племен, восходящих к саяно-алтайской прародине их предков»². Интересно сообщение этого автора и о том, что в юго-восточных районах Башкортостана этнонимы тангаур и тамьян распространены также в их первоначальных формах: *тангор* (*танъор*) и *тума*. Заслуживает внимания и такой факт, на который обращает внимание Р.Г.Кузеев: «...северная группа тамьянцев в Зауралье расселяется по течению рек Большой и Малый Кызыл (Ныцыл), что вызывает ассоциации с древней родиной племени *тама* // *тума* в верховьях Енисея, в частности, с одним из верхних рукавов этой реки – Малым Енисеем или Кызыл-Хем (*qisil* в древнетюркском – «теснина, ущелье»)»³.

Возвращаясь к гидрониму и топониму Туймазы, следует пояснить следующее. Эти наименования локализованы, на первый взгляд, в совершенно противоположной стороне от основного ареала расселения тамьянцев и тангауров. Однако в XVIII в. Тамьянские волости отмечены, кроме Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, что на самом востоке Башкортостана, также и в Стерлитамакском, Белебеевском и Мензелинском уездах, что свидетельствует о наличии вотчинных земель башкир-тамьянцев и в данном, центральном и западном, ареале. Жители ряда деревень этого региона и в наше время известны как башкиры-тамьянцы. От этнонима *тамьян* (и в силу принадлежности к этому племени) образованы ойконимы Тамьян, Тамьян-Таймај, Тамьян-Наран (офиц. Ыолтай-Наран), Тамьян-ЕреклекСл (совр.Тамьян) в Мелеузовском, Миякинском, Белебеевском, Чекмагушевском р-нах РБ. К этому же ряду примыкает ойконим Тамьян в Муслимовском р-не Республики Татарстан. В свете этих данных гидроним Туймазы, в основе которого мы предполагаем наличие этнонима *тума*, родственного с этнонимом *тамьян*, вписывается в единый ареал топонимов, образованных от этнооснов *тума* и *тамьян*.

Таким образом, племена *тилс* (*теле*), *түйс* (*тёёлёс*) и близкие им *тума*, *тамьян*, как, впрочем, и бурзяне, катаяцы, обосновались на Южном Урале еще в древнетюркскую эпоху, а возможно, в первые века новой эры. Вполне правомерно утверждение Дж.Г.Киекбаева о катаяцах, которые, «судя по их диалекту, являются выходцами с берегов Орхона и Селенги, так как в диалекте катаяцких башкир сохранились особенности языка орхон-енисейских памятников V-VIII веков, в частности, диссимилиативные сочетания *лт*, *мт*, *нт*, *Гт*, *мк*, *мJ*, *нк*, *нJ*»⁴. Из рассмотренного выше топонимического материала, довольно значительного как по количеству, так и по ареалу распространения, приходим также к выводу о том, что сформировавшаяся в начале первого тысячелетия на Южном Урале устойчивая система тюркской топонимии создана предками башкир.

Башкирские топонимы IX – первой половины XVI вв. К IX – началу X вв. относятся не только первые достоверные упоминания о башкирах, но и в ряде случаев довольно подробные описания башкирских земель с указанием известных в этой стране названий рек, городов и крепостей. Обзор источников и перечень топонимов древнего Башкортостана этого периода приведены нами в опубликованных нами работах. Поэтому отметим лишь в общих чертах самое главное, с нашей точки зрения, что характерно для башкирского этноса по отношению к рубежу первого и второго тысячелетий. Прежде всего, башкиры и страна башкир к тому времени были достаточно хорошо известны среди других народов Евразии. Анализ трудов Салляма Тарджемана (IX в.), Ахмеда ибн-Фадлана (первая четверть X в.), Аль-Джейхана (IX-X вв.) позволяет говорить о башкирах как основном населении Южноуральского региона. Аль-Балхи (X в.) сообщает о разделенных между собой тысячами километров уральских башкирах и башкирах Западной Европы, которые в свое время вместе с печенегами ушли с Урала в Паннонию и на протяжении нескольких столетий представляли собой самостоятельный этнос. Значительную часть современных башкиро-венгерских параллелей топонимии Венгрии, надо полагать, оставили в Подунавье именно эти башкиры.

В названной выше книге Н.А.Мажитова и А.Н.Султановой «История Башкортостана с древнейших времен до XVI века» (с.124) на основе описаний, содержащихся в письменных источниках IX-X вв., помещена созданная этими авторами карта исторического Башкортостана, на которой с большой точностью, с использованием элементов старой картографической литературы, реконструированы географические реалии той эпохи. На ней нарисованы границы башкирских владений, которые вплоть до присоединения к России и в более поздние века оставались неизменными. Земли башкир, по которым проехал ибн-Фадлан в 921 г. по пути в Волжскую Булгарию, являлись для того времени юго-западной окраиной (или, лучше сказать, областью) древнего Башкортостана. Названия башкирских рек, перечисленных Ибн-Фадланом, сохранились до наших дней. Это рр. *Ирхиз* (совр.баш.Ырһыц /рус. Иргиз⁵), *Бачаг* (Мака /Моча), *Самур* (Гамар/ Самара), *Кинал* (Кинсле /Кинель), *Сух* (СуJ /Сок), *Кунжулу* (Нондорса/Кундурча). По Ибн-Фадлану, к северу за рекой

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Об этнографической обусловленности аномальных консонантных сочетаний башкирского языка, с.75.

² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа, с.166.

³ Там же.

⁴ Киекбаев Дж.Г. Вопросы башкирской топонимики, с.234.

⁵ Различаются рр. Большой и Малый Иргиз, первая из которых – лев. пр. Волги в Самарской обл. В 15-и деревнях басс. Большого Иргиза расселены в настоящее время иргизо-карялекские башкиры.

Джарамсан (Черемшан) заканчивалась страна башкир и начиналась страна болгар. Впрочем, горы на правом берегу Волги выше устья Б. Иргиза (ныне Жигулевские горы) назывались тогда Печенежскими, что свидетельствует о былом близком расселении юго-западных башкир с печенегами, с которыми они когда-то были в союзе. На западе башкирские владения доходили вплоть до устья Камы, не только в низовьях Ика, но и по Заю и Шешме расселялись башкиры. На востоке земли башкир простирались до Тобола. В подтверждение этого Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова приводят слова известного знатока народов Урало-Поволжья Х в. Ибн-Русте о том, что башкиры «народ самостоятельный, занимавший территорию по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою, Камою, Тоболом и верхним течением Яика».

В башкирском пласте топонимов, характерных для домонгольского периода, выделяются в хронологическом плане две прослойки. К первой из них, более ранней, относятся названия с основами или топоформантами *балJan* // *малJan*, *SzSı*, *Jonдор* // *Яндыр*, *нора* // *нура*, *гсн*, *кеГер* // *сеГир*, *тгй* и др., имеющие параллели в древнетюркском, монгольском, болгарском или в современных тюркских языках.

Один из оригинальнейших топонимов в этом ряду – наименование небольших гор и возвышенностей *БалJanтау* (*Балкантау*) в Давлекановском, Благоварском, Альшеевском и Федоровском р-нах РБ. (У г. Балкантау в. Альшеевском р-не расположен также п. *БалJan*). Наиболее известен среди этих названий ороним *БалJanтау* в Давлекановском р-не, к востоку от оз. *АсылыкСл* (*Асылыкуль*). Балкантау и Асылыкуль воспеты в башкирском народном кубаире «Заятулак и Хыухылу». По преданию, одноименные герои эпоса похоронены на горе Балкантау. В орографический термин *балJan* в знач. «горная цепь, покрытая лесами» (восходит к основе глагола *балJыу* «сиять, светить», отсюда и слово *балJыш* «сияние») вкладывается и понятие особой, возвышенной красоты, которые характерны для этих гор по сравнению с другими. Поэтому в орониме БалJanтау первый компонент *балJan* выступает как определительное слово по отношению ко второму компоненту – орографическому термину *тау* «гора». Слово *балJan* можно сравнить с турецким *balkan* в значении «цепь крутых лесистых гор»¹. Топонимический ареал оронимов от тюркской основы *балкан* охватывает собой огромные пространства от Туркменистана (Б. и М. Балхан, в туркменском Балкан), Казахстана (Балкан, Балкантау), Башкортостана до Северного Кавказа (Б. и М. Балканы) с выходом до Западной и Юго-Восточной Европы (Балканы // Стара-Планина, горы в Болгарии и известный всему миру Балканский полуостров). Академик В. В. Бартольд писал о том, что «название Балхан... было занесено турками в Европу и присвоено горам Хемус древних»

Древнетюркский гидронимический термин *SzSz* (*узуз*) «река», в отличие от собственно башкирского *һаңы / гсңе / һаң / һаңаJ* в том же значении, также имеет место в топонимии Башкортостана. Это пять речек *ҺәSz* (*Узуз*) в Балтачевском, Бирском, Дюртюлинском, Кушнаренковском и Дуванском р-нах, а также нп. на их берегах *Һәеи* (*Узузеве*) и *Һәеитамак* (*Угузтамак*).

Топонимы от основы *кеГер* < древнетюрк. *señir* «мыс горы»: *ТаукеГер* (Тausенгирово), дер., *ТаукеГер* *кSле*, оз. в Кармаскалинском р-не, где *еГер* во втором компоненте выступает в указанном выше значении. Наименование *Тгй* (*Тюй*) – р., лев. пр. Уфы в Аскинском р-не, восходит к термину *töj* «ставка, резиденция, стоянка, город» (ДТС. М.-Л., 1969).

Гидронимы от болгарско-венгерского *Jonдор* // *Яндыр* «бобр»: *ҺандракСл* (Кандрыкуль), оз. в Туймазинском р-не, одноименное село и пгт. *Һандра* (Кандры) на его берегу; *Һондорош* речка, прав. пр. Зилаира в Баймакском р-не.

Топонимы от основы *нора* // *нура*: *Норатау* (Нуратау), *Нуратау*, г. в Белорецком и Туймазинском р-нах, *Нура*, р., прав. пр. Белой в Белорецком р-не; *Оло Нора*, *Кесе Нора* (Большая Нура, Малая Нура), г. (береговые обрывы) на северном берегу оз. Асылыкуль. Эта топооснова соотносится с монгольским *нуру* в значении «горный хребет», дословно «спина, спинной хребет». Параллели в других регионах: р. Нура в Центральном Казахстане, плато Шалкарнура в Тургайской обл. и т.д.

Во второй прослойке башкирских топонимов наиболее колоритны наименования, основу которых составляют собственно башкирские номенклатурные термины *һаңы / гсңе / Јаң / Јаңы / һаңаJ* в значении «река» (идентичен с древнетюрк. *ügüz* в том же знач.), *Јаран* «полянья, речка», *айыр* «отрог горы; развилина, рукав реки». К этой же подгруппе могут быть отнесены топонимы, образованные от основ *сал* «камень», *аяи* «полянья», *уй*, *уяи*, *уйпат* «долина», *песмш* / *бесмш* «межа, участок, полоска земли у межи», а также от слов *Јур*, *Јурһы* «ложбина в межгорье, заросшая мелколесьем», *Јот* (кут) «источник (жизни), душа», *йш* «душа» и др. Эту прослойку топонимов считаем целесообразным рассмотреть в главе «Ареальная характеристика башкирской топонимии».

Интересно проследить становление наименования *Урал*, поскольку этим словом обозначается родина башкир. Судя по героическому эпосу башкирского народа «Урал-Батыр», название Уральских гор уходит в глубину тысячелетий. В эпосе утверждается, что горы названы по имени богатыря Урала. Аль-Бируни (X в.) называет их *Жидал-и баишхорт* (Башкирские горы)². *Башкирскими* названы они и у Якута аль-Хамави (XIII в.),

¹ Обо всех значениях орографического термина *балкан* в других языках см.: Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984, с.69.

² Валиди. ь.-З. Башкорттарць тарихы; Тгрк ксм татар тарихы. – Ёфг: Китап, 1994, с. 12.

что свидетельствует о длительном проживании этого народа на данной территории¹. Наименование *Урал*, как пишет А.-З. Валиди, впервые упоминается в XIII в. «в труде Абулгази-хана, посвященном описанию границ улусов сыновей Шейбани из Чингизова рода и в ногайских дастанах². Название *Урал* функционировало в ту эпоху только по отношению к территории расселения горных башкир, что совпадало в основном с современным хребтом *Уралтау*, самым протяженным на Южном Урале, – более 400 км. Его стали применять для обозначения всей горной системы (т. е. в современном его понимании) только с первой половины XVIII в. в географических трудах В.Н. Татищева, П.И. Рычкова и др.

Имеется несколько толкований оронима *Урал*. Автор данной работы, посвятивший этой теме специальную статью, придерживается тюркского (башкирского) происхождения топонима по следующей схеме: основа глагола *ура* – «извиваться, опоясывать» + словообразовательный аффикс *-л*. Следовательно, *урал* и как орографический термин, и в виде оронима означает определенный тип горных хребтов. Башкиры считают, что на Земле существует семь гор типа *урал*, что совпадает с взглядами древних арабских географов, которые разделяли земной шар на семь климатов, т.е. климатических зон.

Говоря об этапах развития башкирской топонимии, следует еще раз вернуться к вопросу о названиях средневековых городов и крепостей на территории исторического Башкортостана, среди которых были упомянуты выше города *Башьорд* (1367 г.), *Каракыя*, *Минджан* (*Немжан*), *Гурхан*, *Касра* // *Казира*, *Масра* // *Мазира*³ (XII в.) и др. Третий по величине в Волжской Болгарии гор. *Буляр*, расположенный на р. Малый Черемшан, служивший границей между булгарами и башкирами на юге Булгарского государства, строился на земле башкир⁴ и основан башкирами⁵. Название *Буляр* восходит к этнониму *буляр*. В свою очередь башкирский этноним *буляр* имеет болгарское происхождение⁶. В «Лаврентьевской летописи» 1164 г. Буляр назван «великим городом». «Следы оседлости башкир IX-XII вв., – пишут Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова, – представлены большой сетью постоянных поселений (городища, селища); согласно Идриси и его предшественникам, некоторые городища существовали в ранге средневековых городов»⁷. В ряду средневековых этнонимов башкир хорошо известны в исторической литературе гор. *Бурджан* в низовьях Волги, о котором пишет Якут аль-Хамави (XIII в.), и гор. *Башгорд* на карте братьев Пицигани (1367 г.)

Примечателен тот факт, что в башкирском языке хорошо развита также терминология, связанная с обозначением городских и сельских поселений, а также жилищ и построек. В башкирской топонимии наименования населенных пунктов, в том числе термины поселений, жилищ и строений, исследованы Ф.Г. Хисамитдиновой в названном выше труде «Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. (Уфа, 1991), поэтому в данной работе нет необходимости специально останавливаться на этом вопросе.

Топонимы Южного Урала середины XVI-XIX вв. – качественно новый этап в истории башкирской топонимии. Начало этого периода определяется 1557 годом, т.е. временем присоединения Башкортостана к России. Это событие привело к значительным изменениям прежде всего в этническом составе населения страны башкир. С первых же десятилетий после присоединения к России Башкортостан все больше стал превращаться в многонациональный регион. С течением времени возрастала доля пришлого населения – русских, татар, чувашей, марийцев и представителей других народов России. Если в 1743 г. в Уфимской провинции, по подсчетам акад. Р.Г. Кузеева, проживало всего 412 тыс. 081 чел. и из них башкиры составляли 206-216 тыс., русские 75 тыс. 185 чел., татары, мишари и др. – 120 тыс. 816 чел., то уже в середине XVIII в. численность коренного и пришлого населения оказалась примерно одинаковой – по 240-250 тыс. чел. К 1780 г. или несколько ранее численность пришлого населения превышает численность коренного народа региона – башкир⁸. По данным всеобщей переписи 1897 г., в Уфимской губернии, составившей спустя четверть века, в 1922 г., основную территорию Башкирской АССР, башкиры составляли 41 процент населения, русские – 38, татары – 8,4 и другие народности – 12,6 процента⁹. Эти процессы приводят к формированию в Башкортостане целого ряда новых наслоений топонимии: русского, татарского, чувашского, марийского, а в ряде районов – казахского, удмуртского, мордовского, украинского и др. Не вдаваясь в проблемы анализа этнолингвистических компонентов топонимии Башкортостана, отметим лишь основные черты, характерные для топонимии Башкортостана рассматриваемого периода.

Южноуральский регион к середине XVI в. представлял собой обширную территорию с башкироязычным населением, которая имела к тому времени развитую систему географической номенклатуры. Гидронимия и оронимия региона в их основных чертах являла собой безусловно завершенную картину.

¹ Булатов А.Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. Материалы научной сессии по этногенезу башкир. Т. IV. Уфа, 1971, с.325.

² Валиди А.-З. БашЖорттарцыГ тарихы, с.12

³ *Касра* и *Масра* – интерпретация, которая, в отличие от прежних авторов, дана А.-З. Валиди в его кн. «БашЖорттарцыГ тарихы» -Ғфғ, 1991.

⁴ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до конца XVI века, с.228, 230.

⁵ ҒмгҒбаев М. Йзджр.-Ғфғ. 1984, с.231.%

⁶ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа, с. 324-325.

⁷ История Башкортостана с древнейших времен до XVI в., с.207.

⁸ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. -Уфа, 1978 с.230-231.

⁹ Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. – Уфа, 1958, с.16-17.

Развитие топонимии Башкортостана в XVI – XIX вв. происходило наиболее интенсивно в таких разрядах, как ойконимия и микротопонимия. Этот процесс характерен для всех этнолингвистических компонентов географической номенклатуры региона – как собственно башкирского, так и для русского, татарского, чувашского, марийского и др. Причем важнейшей базой для образования иноязычных топонимов региона, наряду с апеллятивной лексикой языков указанных народов, служило топонимическое наследие, пронесенное башкирами за многие века, вернее, тысячелетия этнической истории. Башкирский язык вобрал в себя и пронёс сквозь тысячелетия, наряду со своим собственным топонимическим наследием, огромное количество наименований, созданных древними ираноязычными и финно-угорскими племенами, которые длительное время жили с ними по соседству на просторах Южного и Среднего Урала и принимали активное участие в их этногенезе.

Топонимия Башкортостана XX столетия может стать объектом специальных исследований. Как было отмечено выше, географическая номенклатура любого языка и любой территории предстает перед нами как живой, продолжающийся процесс. При изучении топонимии Башкортостана применительно к данному периоду следует обратить внимание на следующие, наиболее характерные с нашей точки зрения, аспекты проблемы:

Бурные исторические события XX в., неоднократная смена социально-экономических формаций, политического строя и идеологических установок повлекли за собой значительные изменения и на географической (прежде всего на политической) карте страны. На территории исторического Башкортостана вместо прежних губерний возникли новые административно-территориальные образования, в т.ч. в 1919 г. – Башкирская АССР (с 1992 г. – Республика Башкортостан). Несколько раз менялось административно-территориальное устройство внутри самой АССР (в 20-е годы, по образцу 1798-1863 гг., вводилась кантонная система управления, в начале 30-х годов проведено районирование и т.д.). Возникали новые города и рабочие поселки. Несколько раз произошла волна переименований, в ряде случаев, в основном в наше время, восстановлены старые названия. Вместе с тем начиная с послевоенных лет произошло массовое сокращение числа сельских поселений. Вместе с исчезновением малых (т.н. «бесперспективных») деревень вышли из употребления и их наименования, безвозвратно потеряны для науки тысячи микротопонимов.

Как физическая, так и политическая карта Башкортостана XX в. унаследовала от прошлого и породила множество новых искажений и неточностей в транскрипции башкирских географических названий на русский язык. Проблема упорядочения написания исторических топонимов, представляющих ценность как памятники языка и культуры, приобретает большую актуальность и для науки.

Топонимия Башкортостана, помимо решения назревших практических вопросов, вызывает огромный интерес в плане выяснения многих вопросов древней и средневековой истории региона (в чем мы убедились и при рассмотрении хронологических пластов географических наименований в данной главе), исторической географии, взаимодействия языков и культур и, что не менее важно, для выявления средств и способов образования собственных имен в башкирском языке.

Рассмотрение перечисленных выше тем и проблем необходимо продолжить в последующих исследованиях, посвященных топонимии Башкортостана.

ГЛАВА II.

АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАШКИРСКОЙ ТОПОНИМИИ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ БАШКОРТОСТАНА

Постановка и решение проблем историко-географического порядка в топонимии теснейшим образом связано с данными хронологического анализа географической номенклатуры региона. Можно считать, что выявление и последовательная характеристика этапов формирования и развития топонимической стратиграфии, что проделано нами в предыдущей главе, проливает свет на многие вопросы, которые предстоит рассмотреть ниже. В то же время есть здесь и своя специфика: в отличие от анализа стратиграфии, историко-географическая характеристика объединяет в себе как хронологический, так и ареальный аспекты исследования.

Приступая к ареальной характеристике башкирской топонимии, еще раз следует обратить внимание на четкое различие таких понятий, как исторический и современный Башкортостан. Это связано со значительными изменениями внешних контуров башкирских земель, происходившими в обозримом историческом прошлом. При этом во все известные нам времена, вплоть до наших дней, основная, главенствующая часть этой территории оставалась неизменной: это Южный Урал, южная часть Среднего Урала, Предуралье и Зауралье с географическим центром страны башкир – районом города Уфы. Однако внешние очертания Башкортостана претерпели в прошлом, особенно с середины XVI по 20-30-е годы XX века, несколько этапов крупных изменений. Определение наиболее характерных параметров и этапов этих изменений и составляет задачу исторической географии Башкортостана.

При ареальной характеристике специфически башкирских географических наименований приходится иметь дело и с таким уникальным явлением, как топонимические параллели исторического и современного Башкортостана с другими (отдаленными) регионами Евразии. Например, в ряде публикаций рассматривается

вопрос о топонимических и этнонимических параллелях Башкортостана и Венгрии¹, что связано с известными историческими событиями – пребыванием предков мадьяр в Приуралье до их переселения в конце I тысячелетия н.э. в Паннонию. Однако башкирские топонимические параллели вовсе не ограничиваются этим. Достаточно привести примеры со специфически башкирским компонентом *һауы, ғзие, Јауы* «река», который, кроме основной территории расселения башкир, образует довольно большой ареал гидронимов в пределах Саяно-Алтайского нагорья², или с собственно башкирской по фонетическому признаку топоосновой *сал* «камень», прослеживаемой от Среднего и Южного Урала до Алтая, с одной стороны, и до степей Дона и полуострова Крым – с другой (на этом нам еще предстоит остановиться более подробно), как становится ясным, насколько обширны названные выше параллели топонимии исторического Башкортостана с другими регионами.

Итак, исходя из поставленных задач, остановимся в начале на ареальной характеристике башкирской топонимии. В качестве опорных (индикаторных, ключевых) названий нами использованы: 1) собственно башкирская этнонимия; 2) апеллятивная лексика, характерная в основном для лексики башкирского языка 3) специфические черты и особенности башкирских говоров и диалектов, получившие отражение в топонимии (диалектизмы: фонетические; лексические и морфологические). По мере необходимости привлекаются также материалы исторической демографии, а также списки коренных башкирских деревень и др. населенных пунктов, в которых компактными группами проживают башкиры, составленные по документальным источникам конца XVIII-XIX вв., и иные материалы.

Топонимы от этнонима *башЈорт // башЈурт* (*башкир, башкирд, башкорд, бажғурд, баджғурд, басджурт, башхарт, паихурд, паскатири* и др. варианты), *иштск, итск* (*истяк, иштяк*) и от названий башкирских родов и племен (см. Карту специфически башкирских топонимов Южного Урала и Предуралья).

Рассмотрение этнотопонимии во всех ее аспектах не входит в задачу этой работы. В данном случае наше внимание привлекают, прежде всего, те из башкирских этнотопонимов, которые представляют собой наименования страны, региона, а также значительного города или поселения. Вопреки установившемуся мнению о том, что названия от этнонимов возникают не внутри этнического ареала, а на его окраине, данный тип этнотопонимов указывает, как правило, и на географический регион, заселенный тем или иным народом или племенем. Ал-Балхи (X в.) пишет о двух группах башкир (т.е. по сути дела о двух башкирских областях), первая из которых живет близ болгар, т.е., по современным представлениям, на Урале, вторую группу он размещает по соседству с румийцами, на Дунае. Ибн-Русте пишет о том, что башкиры – «народ самостоятельный, занимающий территорию по обеим сторонам Уральского хребта между Волгой, Камой и Тоболом».

В X-XI вв., по имени основных обитателей страны, Уральские горы назывались, как пишет об этом ученый-энциклопедист Аль-Бируни (973-1048 гг.), Башкирскими горами (Жидал – и башхурт). Географ Идриси (XI в.) в стране башкир различает две области – Внутренних башкир (*ль-Башжирт сл-дакила*) и Внешних башкир (*ль-Башжирт сл-харита*). О стране башкир упоминается и в XVII в. в «Книге путешествий» («Сыйхстнамс») турецкого автора Эвля Челеби (1611-1682?), посетившего Башкортостан в 1666-1667 гг. Впрочем, Эвля Челеби башкир называет *хешдеки* (*ksuidsk*) и подробно описывает их земли и обычаи. Башкортостан он назвал *Хешдекистан* (т.е. Иштекистан)³. Путешественник поведал также о хешдеках (иштеках) Астрахани, рассказал в своей книге легенду иштеков – башкир о драконе (аждахе), которая была известна за 500 лет до него и Абу-Хамиду аль-Гарнати⁴.

Огромную ценность приобретают сведения о башкирах, о территории их расселения в первой половине XVIII в., об их численности и т.д., приведенные В.Н. Татищевым (1686-1750), который среди немногих историков прошлого связывает, что особенно важно, происхождение башкир непосредственно с сарматами. Вот что он пишет: «Башкиры (башкурт, главный волк или вор): Карпеин и Рубрик именуют баскатиры или паскатиры. Они были рода сарматского... Татары их зовут шери иштек, то есть черные остяки. Жительство их в Уфимской провинции по рекам Белой, Уфе, вершине Яика и за Урал до самого Тобола. На западной стороне Урала мало кочующих, но деревнями, а на восточной более было кочующих, но ныне более принуждены о домех и пашне прилежать..., они жили ... в великом довольствии, и было их числом до 70000, но чрез многие бунты, особливо в произведенном в 1735 году, так разорены, что едва треть их в остатке есть ли. Они непрестанно войну с киргиз-кайсаками имеют... И хотя оные гораздо многолюднее, но для крепких мест в горах уральских многоозерных вреда башкирцам учинить не могут...»⁵

Описание страны башкир и территории их расселения, принадлежащее перу В.Н.Татищева, чуть ли не дословно совпадает с приведенным выше сообщением Ибн-Русте, относящимся к X в. Следовательно, за семь

¹ Л. Рашонь посвятил этой проблеме специальную статью: Башкурт ве мажар йуртлариндаки ортак жографик адлар узерине. // X Турк Дил курултайында окунан билимсел билдирлер. 1963-тен айрыбасым. – Анкара, 1964. См. также: Самарбаев Р. Венгры – наши братья // Истоки, 1996. №2 (120).

² Малолетко А.М. Башкирские топонимы в верховьях Оби и Енисея // Востокведение в Башкортостане: История. Культура. III. Материалы международной научной конференции.-Уфа, 1992, с.82-83.

³ Галлямов С. «Урал-Батыру» – 4000 лет. // ШоҒар, 1995, №6, 133-134

⁴ Там же.

⁵ Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л., 1979, С.180.

столетий, которые прошли со времен Ибн-Русте, каких-либо резких изменений в очертаниях границ башкирского расселения не произошло. Это может быть принято как существенный аргумент при определении этапов развития исторической географии Башкортостана. Следующая группа этнотопонимов связана с названиями городов, которые получили свои имена в силу их особого статуса для данного народа или племени. Таковым, видимо, в какой-то период времени был город Башгорд на Южном Урале, о котором сообщает нам карта братьев Пицигани (1367 г.), а также города под названием Башгорд, зафиксированные на карте Идриси (XII в.): у впадения р. Уфы в Белую на Каме.

В то же время другие этнотопонимы Башгорд на той же карте Идриси (на Волге, на Дунае, а также река Башгорд в области Хорасан) возникли на окраинных (в первом случае) или отдаленных территориях пребывания древних башкир. Память о башкирах племени *бурзян* (*бұрйһн*) в Северном Прикаспии была зафиксирована в наименовании города Бурджан в IX в. в низовьях Волги. С древней историей башкир связаны этнотопонимы в Средней Азии: Пашхурдские горы и дер. Пашхурд к востоку от Бухары, там же бывш. Пашхурдская долина и кишлак Пашхурд, бывш. Пашхурдская волость, ныне сельский совет Пашхурдский в Сурхандарьинской обл. Узбекистана, городок Бажжурд за Хорасанскими горами, местность Бажжурд /Башжурд/ на Центральном Памире и. т.д.¹.

Топонимический материал и исторические документы позволяют сделать вывод и о проживании башкир вплоть до XVI-XVIII вв. в значительном отдалении к западу от их основной территории, на Тамбовщине, а также на землях прежних Рязанской и Нижегородской губерний. Так, например, в делах Шацкого архива сохранилась копия с грамоты, данной в 1539 году одному из темниковских князей, Еникею Кугушеву, «на право судить и вязать по старине татар из тарханов и башкирцев, жожерянов, которые живут в Темникове по старине, по тому, как наперед судил и вязал отец его Тениш»².

И.Н.Смирнов в работе «Мордва. Историко-этнографические очерки» сообщает о том, что в Шацком уезде, близ Вышинской пустыни еще в конце XVII в. были известны *Башкирские горы*. В бассейне реки Оки до наших дней сохранились наименования двух оврагов *Башкирский* и *Башкирдовский*³, связь которых с этнонимом *башкир*, *башкурд*, *башкирд* не вызывает сомнений. Название деревни *Пушкырт* (*Пошкарт*) в Ядринском р-не Чувашии единодушно возводится специалистами к тому же наименованию народа *башкорт*. (В чувашском характерно чередование гласных *a ~ y* в первом слоге). Пристальное внимание обращает на себя наименование *Башкирская волость* в Тюменском уезде, упомянутое в знаменитой «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Название Башкирская явно указывает на проживание там башкир.

Окраины башкирских земель XVI-XIX вв. также обозначены этнотопонимами как на севере, северо-востоке, востоке, так и на западе Башкортостана этого периода. Отметим их:

Дер. Баш-Нюлтай (Башкир-Култаево, Башкирское Култаево) на юге Пермской обл. Это родина выдающегося башкирского рудопромышленника XVIII в., основателя горного дела в России Исмаила Тасимова.

Дер. *Башкарское* (от *башкар < башкир*) в Пригородном районе Свердловской области.

Село *Башкирское* в Половинском р-не Курганской обл.; гор. *Катайск* на лев. берегу р. Исеть, при впадении речки *Катайки*, центр *Катайского р-на* той же области. Первое русское поселение – *Катайский острог* – возникло здесь в 1653 г. Острог преобразован в *Катайскую слободу*, а затем – в с. *Катайское*; с 1944 г. – гор. *Катайск*. Название связано с наименованием башкирского племени *катай* (*Jamaj*)⁴. Катайцы (род ялан-катай) в наше время составляют основную часть башкирского населения Альменевского и Сафакулевского районов Курганской области (более 17000 чел. по переписи 1989 г.). Пос. Мирный в Альменевском р-не, центр совхоза *Катайский*, до 60-х гг. также назывался *Катайск*. В 1919-1922 гг. башкиры рода ялан-катай были объединены в *Ялан-Катайскую волость* и входили в состав Башкирской АССР. В XVII-XIX вв. восточные катайцы жили в Зауралье, по рекам Синаре, Тече (Тинис), Караболке, Исети⁵. Внутри самой Башкирии имеется несколько названий населенных пунктов с этнонимом *катай*: п. *Катай* в Белорецком, села *Иҗке Ыатай* – Старокатаево и *Яҗы Ыатай* – Новокатаево на западе республики, в Бакалинском районе, а также, *Белокатайский р-н* и села *Иҗке БалаJamaj* – Старобелокатай и *Яҗы БалаJamaj* – Новобелокатай на северо-востоке. *Бала катай* – родовое подразделение катайцев (в русском языке произошло искажение наименования в форме белокатай). В Башкирии 70-х годов XVIII в. имелось несколько волостей с этнонимом катай: *Катайская вол.* в Ногайской дороге (располагалась по р. Инзер и верховьям р. Белой), *Бала-Катайская* и *Улу-Катайская* волости в Исетской провинции⁶ (занимала территорию на северо-востоке современного Башкортостана и селения башкир-катайцев на северо-западе современной Челябинской области).

На юге Башкортостана наиболее характерными для башкирской этнотопонимии являются

¹ Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Узбекистана и Таджикистана. -М., 1976; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974, с. 140,141,426.

² Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып.29.–Тамбов, 1890,с.31.

³ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. – М., 1976.

⁴ Матвеев А.К. Географические названия Урала:Краткий топонимический словарь.–Свердловск, 1987, с.93.

⁵ Там же.

⁶ Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII-первой половине XIX века.-Уфа, 1992, с. 127-133.

наименования рек *Соран* и *Ьыр Соран* (на картах Большой и Малый *Уран*) и *Тук (Ток)*, прав. пр. Самары. По долинам этих рек расселена компактная группа башкир, получивших в этнографической литературе наименование ток-суранских. В 1919 – начале 20-х гг. здесь располагался Ток-Суранский (Ток-Чуранский) кантон Башкирской АССР. Однако, в силу оторванности от основной территории Башкирской республики, – земли по Току и Б. и М. Урану были переданы Оренбургской области, и на месте Ток-Суранского кантона организовано несколько районов. Гидроним *Соран (Суран)*, ставший достоянием науки благодаря устному употреблению среди башкир, особенно ценен как один из древнейших этнопонимов исторического Башкортостана. Исследованиями азербайджанского топонимиста Г.А. Гейбуллаева установлено, что этноним *сураны* был известен еще Птолемию во II в.н.э. и является, видимо, наименованием тюркского происхождения¹. Племена *сураны* и *саканы*, как пишет Г.А. Гейбуллаев, отмечены у Птолемея между Иппийскими и Керавнскими горами на Кавказе. Можно предположить, что какая-то группа племени *сураны* проникла в дальнейшем на юг страны башкир и оставила свой след в топонимии. Видимо, произошло это намного раньше кипчакской миграции, т.е. не позднее VIII-IX вв. В пользу такой версии говорит тот факт, что официальные названия рек *Соран* и *Ьыр Соран*, закрепившиеся в форме Б. и М. Уран, связанные с именем башкирского племени *уран*, возникли, вероятнее всего, лишь в начале II тысячелетия н.э., либо до этого времени уранцы пребывали в степях Средней Азии. Наименование же «соседней» реки *Ток*, притока той же самой Самары, восходит к одному из этнонимов башкирского племени кыпсак. Однако, прежде чем перейти к характеристике этих этнопонимов, добавим, что гидроним *Соран* вовсе не является единственным в топонимии Башкортостана. В горной Башкирии, в Белорецком районе, известна также речка *Соран (Суран)*, лев. пр. р. Большой Инзер. В списке башкирских волостей, самом раннем такого рода документе, обращает на себя внимание название *Шуранской волости* в Ногайской дороге Башкирии с числом душ в 1200 человек «мужского пола», проживающих в 400 дворах². Любопытно, что башкиры, выходцы с берегов Тока и Сурана, применяют в речи только наименование Соран вместо Большой или Малый Уран. Происшедшая даже в довольно отдаленное время смена названия, закрепившись на географической карте, нашла свое отражение только в виде официального наименования. Слово *соран* в форме *сорани* известен также курдам: *сорани* – это название одного из диалектов курдского языка.

Среди кипчакских этнонимов, перечисляемых в арабских источниках, как отмечает Г.А. Гейбуллаев, есть и родоплеменные наименования *токсоба*, *бурджоглы*, *бурлы*, *кангуоглы*, *тог*, *уран* и др. Этноним *тог (туг)* с фонетическими вариантами *тук*, *ток* участвовал в образовании целого ряда топонимов в Азербайджане. Гидроним *Тук(Ток)*, а от него наименование *Тоцкого района* и печально известных *Тоцких лагерей* в Оренбургской обл. восходят, безусловно, к тому же этнониму *туJ (ток)*, наименованию родового подразделения в составе башкир-кыпсаков.

Названия с этнонимом *кыпсак* занимают обширный ареал от южных и западных районов Башкортостана до бассейна реки Большой Ирғиз на юго-западе современного и исторического расселения башкир. В материалах XIX в. в бывш. Мензелинском и Оренбургском уездах отмечены башкирские деревни *Кипчакская* и *Кипчак* и там же – *Кипчакская* и *Каракипчакская* волости. Впрочем, в 70-х гг. XVIII в. в одной только Ногайской дороге Уфимской провинции Башкирии было пять кипчакских башкирских волостей, названных по именам родов и родовых подразделений: *Гарей-Кипчакская*, *Карагай-Кипчакская*, *Сугун-Кипчакская*, *Сянким-Кипчакская* и *Бушмас-Кипчакская*. В Оренбургской провинции в тот период насчитывалось три кипчакских волости башкир: *Сугун-Кипчакская*, *Бушман-Кипчакская*, *Сянким-Кипчакская*. Перечисленные выше этнонимы в целом с большой точностью раскрывают картину расселения башкир-кыпсаков на Южном Урале и в Предуралье в XVIII-XIX вв.

Оригинальное место среди башкирских этнопонимов занимают наименования с основой *йылан (елань)*. Наиболее отдаленные топонимы и гидронимы от этнонима *йылан (елань)* группируются за пределами Башкортостана в основном в двух ареалах – в Самарско-Волгоградском Поволжье с выходом к бассейну р. Хопер в Воронежской обл. и в Западной Сибири. Это реки и речки *Елань* и ойконимы с той же основой: *Елань*, *Еланский*, *Еланское*, *Еланка*, *Елань-Колено*, *Елань-Коленовский*, *Елань-Станция* в Самарской, Саратовской, Волгоградской, Пензенской, Воронежской, а также в Ростовской областях. Второй ареал образуют наименования в Восточной Сибири: п *Еланка* (на западе Новосибирской обл.), гор. *Иланский* (к востоку от Красноярска), нас. пункты *Елань*, *Еланцы* в Иркутской, Кемеровской обл. и в Республике Бурятия. Вне этих отдаленных ареалов пос. *Елань* расположен западнее гор. Ирбита в Свердловской области.

Сами же башкиры-еланцы расселены по соседству с башкирами-кыргызами в основном, в среднем и нижнем течении р. Ик по обоим ее берегам в смежных районах Республик Башкортостан и Татарстан, входят в состав нижнебельских башкир, состоят из нескольких родов: *эске йылан* – внутренние еланцы, *Ьыр йылан* – степные (или, возможно, внешние) еланцы, *цел-йылан* – бельские еланцы. В названном выше «Реестре и описании башкирских волостей», составленном около 1730 г. в Уфимской провинциальной канцелярии, в

¹ Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана (Историко-этнографическое исследование).-Баку, 1986, с.8.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III.– М.-Л., 1949, с.485. Название этой волости повторяется и в Реестре и описании башкирских волостей, составленном в 1730 г., где указывается и ее местоположение: за Уралом «по озерам живут к сибирским слободам» (Материалы по истории Башкирской АССР. Т. I.– М.-Л., 1936, с.135-137).

составе Казанской дороги Уфимской провинции «в верховьях реки Ик и База и по другим речкам», а также по р.Белой перечислены три волости башкир-еланцев: *Ички-Иланская, Тышки-Иланская и Иланская*, наименования которых отражают внутреннюю структуру племени и соответствуют его делению на роды *эске йылан, Жыр* (или *тышылы*) *йылан* и *цел-йылан*. Итак, налицо три крупных ареала распространения топонимов от этнонима *йылан(елань, илан)* – Восточная Сибирь, Самарско-Саратовско-Волгоградское Поволжье и Западный Башкортостан. Причем последний ареал представляет собой основную территорию расселения башкир-еланцев. Следует подчеркнуть: этноним *елан, елань* в русском употреблении отражает собственно башкирскую специфику звучания этого имени.

Этнотопонимы с компонентами *таз, тазлар, башкорт, дуван (карадуван), дуваней, бадрак, тамьян, табын, мин, сарайлы-мин, байлар, буляр, мышыга, кадыр, ельдяк (йслдск), киргиз, салагуш, сураш, бугазы (боъацы), калмаш, еней (йһһэй), юрми, камбар, балыксы, ирякте (ирскте), зэрэ (zsp), елан (йылан), казанчи (Жаңансы), канлы (ЖаҒны), каршин (Жаршын), карга, сатлыган, юмран, уваныш* и др. на территории Республики Татарстан свидетельствуют о широком расселении на этих землях древних и средневековых башкир. Этот вопрос довольно основательно освещен в статье Г.Ф.Саттарова «Башкирский компонент в топонимии Татарии»¹. Толкование ряда башкирских этнотопонимов содержится в названной выше работе Ф.Г.Гариповой «Исследования по гидронимии Татарстана» (М., 1991). Поэтому в данном случае нет необходимости перечислять весь этот значительный по количеству фактический материал. Наметим лишь наиболее общие контуры ареала распространения башкирских этнотопонимов в данном регионе. Небольшая, но очень колоритная с точки зрения башкирского языка группа башкирских топонимов установлена Г.Ф.Саттаровым в Закавказье. Это названия деревень Карадуван и Тау Зары (в старых списках населенных мест – Таузарово). Название деревни *Карадуван* вполне справедливо возводится Г.Ф.Саттаровым к наименованию башкирского племени *дуван* и ставится в один ряд с многочисленными топонимами, произошедшими от этого этнонима: *Дуван* – название района и районного центра, *Дуван-Мечетлино* – наименование села в Мечетлинском районе (оба топонима – в Северо-Восточном Башкортостане), *Дуван, Дуванейка, Дуванейская, Удельно-Дуваней* и др. – села в Иглинском, Аскинском, Благовещенском р-нах в центральной части республики. Ойконим *Тау Зары* < *Таузар* < *Тауцар* сохранил в себе форму мн.ч. на *-цар*, характерного для восточного диалекта башкирского языка. Наименования четырех деревень с топоосновой *мтмскс* (*мтмс* означает «карлик» в языке башкир-юрматинцев): *Юъары Мтмскс (Верхние Метески), ТШбһ Мтмскс (Нижние Метески)* в Арском районе, *Оло Мтмскс (Большие Метески), Юъары Мтмскс (Верхние Метески)* в Сабинском районе восходят к периоду Казанского ханства и связаны, как и ойконимы *Карадуван* и *Тау Зары (Тауцар)*, с пребыванием на этой территории башкир. Да и название района и районного центра *Балтаси (Балтасинский)* в русской транскрипции сохранило в себе специфику башкирского языка (аффикс *-сы* вместо татарского *-чы*).

Г.Ф.Саттаров сообщает о том, что деревня ЯҒы Арыш (Новый Арыш) Рыбно-Слободского р-на Татарстана называлась в прошлом *Башкортлар (Башкиры)*. Данное название, как он пишет, установилось за этой деревней в связи с поселением в ней башкир². Нами в 1987 г. Во время поездки в Тукаевский р-н ТАССР установлено, что деревня Сарайлы названного района именуется также (неофициально) *БашЮрт Сарайлысы (Башкирские Сарайлы)*. Расположена деревня в пределах бывшей *Сарайли-Минской волости* Мензелинского уезда Уфимской губернии. В Актанышском и Тукаевском р-нах Республики Татарстан имеются речки *БашЮрт шиммсе, БашЮрт йылъасы*.

Башкирские этнотопонимы (топонимы от наименований башкирских родов, племен и родовых подразделений), насчитывающие несколько десятков единиц, отмечены в целом в Агрызском, Альметьевском, Актанышском, Азнакаевском, Муслумовском, Мензелинском, Тукаевском, Сармановском, Бавлинском и др. р-нах Татарстана и составляют ареал к востоку по линии от Набережных Челнов на реки Степной Зай, Шешма и Малый Черемшан с выходом на бывший гор. Мелекес (ныне Димитровград) Ульяновской области. П.С. Паллас в своих «Путешествиях...» (ч. 1, СПб., 1809, с. 160) зафиксировал в этом регионе название речки *Башкирка*, пр.р. Сургут.

Указанный ареал в основном совпадает с расселением башкир на данной территории по материалам V (1795) и VIII (1834) ревизий, согласно которым в том регионе насчитывалось, по подсчетам А.А.Камалова, 225 башкирских деревень³. По данным переписи 1897 г., в Мензелинском уезде Уфимской губернии проживало 122678 башкир, 36783 тептярей, 106537 татар, 117221 русских. Башкиры, таким образом, занимали здесь ведущее место по удельному весу среди представителей других народов. Численность башкир в Бугульминском уезде, по той же переписи, составляла более 80000 человек. Все эти данные свидетельствуют о том, что башкиры вплоть до начала XX века представляли значительную часть населения очерченного выше ареала.

¹ Исследования по башкирской диалектологии и ономастике. Уфа, 1986, с.91-99.

² Саттаров Г.Ф. Антропотопонимия Татарской АССР: Автореферат диссертации ...доктора филологических наук. – Казань, 1975, с.51.

³ Камалов А.А. Башкирская топонимия. – Уфа, 1994, с.270-284.

В ареальных исследованиях топонимии огромную ценность приобретает, как уже подчеркивалось выше, выявление закономерностей распространения специфических для того или иного языка топооснов и топоформантов.

Характерными для восточного диалекта башкирского языка являются топоформанты на *-ды (-де)*, *-до(-до)*, *-цы(-це)*, *-ты(-те)*, которые представляют собой фонетические варианты аффикса обладания *-лы, -ле, -ны, -не* других башкирских говоров и диалектов, а также полностью соответствуют по своему значению аффиксу обладания *-лы, -ле* в татарском языке. На основании этого топонимы с указанными формантами могут быть рассмотрены в сочетании с данными этимологического (или семантического) анализа основ этих названий, как своего рода диалектизмы башкирского языка на карте региона. Причем следует оговориться: по нормам восточного диалекта, отражающим его современное состояние, аффиксы *-ды, -де, -цы (-це), -ты (-те)* присоединяются, как правило, к основам, оканчивающимся на согласные звуки: *бол + -до, тал + -ды, тау + -цы, таи + -ты*. Эти же аффиксы в названиях с топоосновами на гласные отражают, по-видимому, более раннее состояние говоров того же восточного диалекта и составляют одно из реликтовых явлений башкирской топонимии. Поэтому мы считаем целесообразным осуществление ареального описания этой группы топонимов отдельно от первой группы. В дальнейшем предстоит определить, какие роды или племена башкир были носителями топонимов на *-ды, -де, -цы, -це, -ты, -те*, образованных от основ на гласные звуки типа *Сусацы (Сусады), Кисце (Киязы), Солацы (Чукады)* и т.д. в Северо-Западном и Западном Башкортостане.

Первая группа топонимов с формантом *-ды (-де)*, *-цы (-це)*, *-ты (-те)* насчитывает в нашей картотеке более трех десятков широко известных географических названий. Перечислим некоторые из них:

ҺГкерце (Ункурда), речка, прав.пр. Вас-Елги в Белокатайском р-не РБ и Нязепетровском р-не Челябинской обл. и там же – ж.д.ст. *Ункурда*. От баш.диал. *SIker // oIJop // oIhor* «яма, щель, расселина» с афф. *-це*;

Ғлкндг (Улькунды), с. В Дуван.р-не. От диал. *лкгн* «куст» + афф. *-дг*.

Суртанды, оз., *Һлнде* (Улянды), *Мауыңы* (Маузды, на картах второе назв. Банное), озера, *ҺырҒты* (Крыкты), горн.массив в Абзелиловском р-не. В основе – *суртан* «щука», *Ғлн* «трава, травянистое, зарастающее травой», *мауың* – название мифического существа в знач. «ненасытное, бездонное», *ҒырҒ* «сорок» (в знач. «много») с афф. *-ды, -де, -цы, -ты*.

Баһрышты (Багрышты), речка в Белорецком р-не, лев.пр. Б.Кургузы. От *баһры* «форель» + афф. *-ыш* и *-ты*.

ҺайраҒты (Кайракты), рр., прав.пр. Белой, лев.пр. Б.Нугуша в Бурзянском р-не. От *ҺайраҒ* «брусок, точильный камень» + афф. *-ты*.

Һараһайцы (Карагайды), речка, лев.пр. Сакмары, *Талдоя* (Талдуя), речка, лев.пр. Сакмары в Баймакском р-не. От *Һараһай* «сосна», *тал* «ива» + афф. *-цы, -ды* (и уя «долина» в последнем гидрониме).

ҺаҒсырцы, г., Оло ксм *Кесе Асыуцы* (Б. И М. Учалы), озера *ҺандыболаҒ* (Кандыбулак) в Учалинском р-не.

МиҒеште (Миништы), речка, дер. В Дюртюлинском р-не.

Магашты, г. в Илишевском, г. и дер. В Балтачевском р-нах.

Асауцы (Асавды), речка в Татышлинском и Янаульском р-нах и в последнем – дер. *Асауцыбаш* (Асавдыбаш).

Ареал имеющихся в нашем распоряжении топонимов с формантом *-ды (-де)* и его фонетическими вариантами характерен, во-первых, для всей территории расселения башкир – носителей восточного диалекта; во-вторых, он проходит в северо-западные районы Башкортостана и широкой полосой вклинивается в восточные районы Татарстана.

Языковедом Л.Ш.Арслановым выявлены географические названия с башкирским топоформантом *-ды* в нескольких районах Татарстана и в Каракулинском р-не Удмуртии, примыкающих с северо-запада к Республике Башкортостан¹. Это ойконимы и гидронимы *Һырынды* (Крынды), *Чоганды* (Чеганда), *Чегандинка* и др. Анализируя этот ряд наименований, приходим к выводу, что в ареальном отношении топонимы с формантом *-ды* характерны для восточного диалекта башкирского языка. Наряду с этим они также охватывают «территорию Северо-Западной и Западной Башкирии, причем они существуют параллельно с топонимами, образованными при помощи аффикса обладания *-лы (-ле)*». Л.Ш. Арсланов вполне объективно объясняет наличие этого ареала топонимов на *-ды(-де)* в названных им районах. «Рассматриваемый регион, – пишет он со ссылкой на работы Р.Г. Кузеева и Н.Н. Моисеевой, – был территорией башкирских племен, о чем свидетельствуют многие исторические документы. Так, татарское население Агрызского района в документах отмечается как башкиры Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии».

Топонимы с реликтовым формантом *-цы (-це)* (в рус. транскрипции *-ды, -зы*) отмечены единичными примерами в горном Башкортостане и в Аскинском, Караидельском и Миякинском районах: *Урацы* (Уразы),

¹ Арсланов Л.Ш. О топонимах с топоформантом *-ды* в Агрызском, Тукаевском, Мензелинском районах ТАССР и Каракулинском районе УАССР // Шестая конференция по ономастике Поволжья 26-28 сентября 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. – Волгоград, 1989, с.59-60.

г., речка (Бурзянский р-н), *Peusue* (Пишава), речка (Зилаирский р-н) и т.д., где *ура* – «извилистое», *peus*, *meus* «молодой сосняк» + аффикс *-уы (-уе)*.

Более плотный ареал топонимов этой группы представлен на западе и в Янаульском р-не Башкортостана с выходом в восточные районы Татарстана. Назовем лишь наиболее известные из этих наименований: речка *Сусауы* (Сусады) и дер. *Сусауы-Ябалак* (Сусады-Эбалак), речка *Сибсуе* (Сибады), речка и с. *Ямауы* (Ямазы) в Янаульском р-не. Основы этих топонимов: *суса* «сопка, вершина», диал. *сибс* < *сэбс* «изгородь, плетень», *ямау* «дурная, плохая» (*ямау* + *-уы*). Названия реки, города, сел и района *Туймауы*, речки и села *Йомауы*, *Йомауыбаиш* в Шаранском р-не Башкортостана, а также речки, лев.пр. Ика, и села *Йотауы* // *Йотады* (Ютазы) в Бавлинском р-не Татарстана также образованы с помощью реликтового древнебашкирского форманта *-уы(-ды, -зы)*.

Основной вывод в отношении данной группы названий, кроме очерченного выше ареала их распространения, заключается в том, что, будучи более древними среди собственно башкирских топонимов, они отражают собой реликтовые особенности одного из говоров восточного диалекта.

Реликтовым по отношению к современному башкирскому языку, однако в свое время довольно продуктивным следует считать топоформант *-ыш, -ош, -си* с тем же значением, что и аффикс обладания *-лы, -ле, -ды, -де*. Собственно башкирские топонимы и гидронимы с прозрачной основой и с исходом на *-ыш, -ош, -си* распространены более или менее равномерно по всему Башкортостану: *Баһраш* (Баграш), речка, *Баһрыш* (Багрыш), г. ; *Баһрышты* (Багрышты) ; *Маньшты*, с., речка, прав.пр. Инзера, *Һатышлы* (Катышлы), г.; *Һатарыш* (Катарыш) ; дер., *Йыланш* (Еланьш), речка.; *Бэһрәш* (Бердяш), лев.пр. Уфы; *Бэһрәшле* (Бардяшле), р. лев.пр. Зилима; *Бирәш* (Бердяш), речка, лев.пр. Большого Ика; *Болошло* (Балышла), речка, лев.пр. Дёмы; *Игешле*, речка., прав.пр. Большого Ика; *Сыйрыш*, речка., *Күсүште*, речка., прав.пр. Большого Нугуша; *Талышман*, г. и т.д. в Салаватском, Бурзянском, Белорецком, Гафурийском, Караидельском, Зилаирском, Кугарчинском, Благоварском, Чекмагушевском, Ишимбайском и Учалинском р-нах. В основе этих названий – специфически башкирские слова *баһыр* «форель», *бэһре* «хариус», *маньш* «быстрая, торопливая», *йылан* «змея», *тал* «ива» и т.д. За пределами Башкортостана тот же самый формант *-ыш, -ош, -си, (-аш)* представлен в составе топонимов: *Буланаш*, речка., лев.пр. Ирбита и речка к северо-востоку от Екатеринбурга в Свердловской обл. (от баш. *болан* «олень» + *-аш* «оленья»), *Суртаныш*, оз., дер. В Кунашакском р-не Челябинской обл. (*суртан* «щука» + *-ыш* «щучье»). В историческом плане продуктивность топоформанта *-ыш, -аш, -си* восходит, видимо, ко второй половине I тысячелетия н.э. На эту мысль наводит наличие в башкирской топонимии географических наименований, происхождение которых связывается с венгерским языком: *Ваиаш*, р., прав.пр. Белой в Бураевском р-не (*ваи* венг. «железо», *ваи* + *-аш* «железистая») *Маһаш* (Магаш), *Маһашты* (Магашты), назв.г., речки в Гафурийском, Баймакском, Аургазинском, Архангельском, Илишевском р-нах (*Маһаш*, по Дж.Г.Киекбаеву, угорского (венгерского) происхождения и означает «высокий, высокая»); *Һондораш* (Кундуруш), речка, прав.пр. Зилаира в Баймакском районе (по Л.Рашоньи, от болгарско-венгерского *Јондораш* «бобровое»); *Иүш* (Идяш, Идяшка), речки в Абзелиловском, Зианчуринском, Бакалинском районах (по Л.Рашоньи, от *идеш* «сладкая, вкусная»); *Вэһрәш*(Варяш), *Вэһрәшле* (Варяшле), речки, нас.пункты в Иглинском, Архангельском, Янаульском районах (возможно, от венгерского *варош* «город»)¹. Ср. с аналогичными топонимами в Венгрии: *г.Магаш* в Высоких Татрах, горная вершина *Магаш-Такс*, горная цепь *Магаш-Баконь*, река *Варяш*, *Варяш-Катмыш* и *Варяшбаиш* в Закарпатье, которые, по предположению Р.Самарбаева, основаны потомками древнебашкирского рода *варяш*². В Венгрии имеются также селения *Хидаш*, *Кунхедеш*, *Хедешхалом*, многочисленны обладатели фамилии *Хедеш*, *Гидаш*. Можно утверждать, что перечисленные выше топонимы Венгрии имеют южноуральскую прародину и возраст всего этого башкирско-венгерского корпуса наименований может быть определен временем до ухода древних венгров с Приуралья в далеком VIII-IX вв.

Совершенно уникальное место в башкирской топонимии занимают топоосновы *ман* и *һауы*, *гәуе*, *гауа*, *гауаJ*, *Јауы*. Топоформанты *ман* и *һауы* восходят по своему происхождению скорее всего к разным истокам. Но в собственно башкирской топонимии их сближает одно обстоятельство – в определенной мере единство ареалов распространения.

Элемент *ман* в башкирском и в некоторых других тюркских языках отличается прежде всего совершенно неожиданной универсальностью в плане его участия не только в топонимии, но и в словообразовании. В общепотребительной лексике башкирского языка слова типа *урман* «лес», *асман* «небо», *томан* «туман», *аJман-тоJман* (название весеннего бурана на Южном Урале в конце марта), *дошман* «враг», *уJаман* «сильный, уважаемый мужчина», *алман* «немец», *имш* «дуб» восходят, по исследованию Г.Ямаловой, к именам языческих божеств древности. Сугубо башкирские фамилии *АJманов*, *Һалмантаев*, *Алтынманов* также содержат в своем составе компонент *ман* в значении «человек, мужчина». Названия башкирских деревень *Монаш*, *Манкыр*, *Маншыр*, личное имя эпического героя киргизского народа *Манас* безусловно имеет в своей основе тот же самый элемент *ман*. Слово *ман* в указанном значении совпадает с тем же словом в немецком, персидском и т.д. Слово *тап* в английском языке также означает «человек», *тапаче* –

¹ Словарь топонимов Башкирской АССР. – Уфа, 1980.

² Самарбаев Р. Венгры – наши братья // Истоки. 1996, № 2.

«руководитель, завоеватель». Башкирский топоним *Манкыр*, русский термин *менгир* Г. Ямалова сопоставляет с кельтским *menhir* «излучающий свет, лучезарный», применяемым для обозначения каменных изваяний, олицетворяющих бога солнца¹.

А.П. Дульзон указывал, что топоформант *ман*, восходивший к индоевропейскому *mano, mani* «влажный, мокрый» был вынесен тюрками из Южной Сибири и распространен в Казахстане и Поволжье. В орхонских надписях отмечен топоним *Кангу Тарман*, который, по мнению С.Г. Кляшторного, можно считать синонимом названия реки Сырдарья, и он локализуется по отношению к ее среднему течению². В.Н. Попова и Б.А. Байтанаев определяют ареал древних топонимов на *ман* (*бан, пан*) в регионе Южного Казахстана и Поволжья.

А.М. Малолетко в составе гидронимов *Улу-Манда, Кучу-Манда* (бассейн реки Томи), старое название реки Манда, в левобережье Бии, а также рек *Куманда, Мундыбаиш* (в прошлом *Мандыбаиш*) и *Кубанда* в Южной Сибири ошибочно выделяет топоформант *манда*³. На самом деле компонент *манда* в этих гидронимах состоит из двух самостоятельных элементов *-ман* и аффикса наличия *-ды*, совпадающего по форме с рассмотренным выше башкирским диалектным аффиксом обладания. (Русское употребление видоизменено на *-да*). Аффикс *-ды* в топонимах *Нюланды, Ыраһанды* (Караганда) идентичен казахскому *-ды*. Перечисленные топонимистом А.М. Малолетко гидронимы Восточной и Южной Сибири на *ман* и *-ды* могут быть реконструированы в плане звучания в башкирском языке в форме **Оло Манды, *Кесе Манды, *Манды, *Мандыбаиш, *Куманды*. Говор носителей языка, оставивших эти названия, безусловно, был идентичен восточному башкирскому диалекту и, судя по ареалу распространения топонимов на *һаңы, гәңе*, о котором будет сказано ниже, это могли быть башкирские племена.

Наименования на *ман* в регионе Южного и Среднего Урала и Приуралья, судя по всему, относятся к одному из специфических явлений башкирской топонимии. Причем большой интерес представляют и такие сочетания компонентов, когда вместе с элементом *ман* в образовании топонимов участвуют не менее уникальные апеллятивы *саңы, һаңы, яңы* ит.д. Рассмотрим их в следующей последовательности:

Маньяңы (Маньязы), речка, прав. пр. Куваша в Чекамгушевском, *Маньяңыбаиш* (Маньязыбаш), дер. в Дюртюлинском; *Маньяңы* (Маньязы), оз. В Кушнаренковском р-нах. Второй компонент – *яңы* «долина, низменность» с афф. 3 лица ед. ч. *-ы*;

Мансаңы (Мансазы), дер. в Иглинском, *Мансаңы* (Мансады), офиц. *Мтксин* (Муксиново), дер. в Кармаскалинском р-нах Башкортостана; *Мансаңы* (Мансаж), речка, лев. пр. Уфы, с. в Артинском р-не Свердловской обл. Компонент *саңы* – вариант гидронимического термина *шаңы (шады)* в знач. «наледь (речка с наледью)».

Назв. Горы *МаҺаңы* (Мангазы) у с. Асяново в Дюртюлинском р-не с компонентом *ман* и древнебашкирским гидронимическим термином *һаңы* «река» можно сопоставить с наименованием загадочного русского городища XVII в. Мангазея на р. Таз, у впадения в нее речки *Мангазейки* на севере Ямало-Ненецкого автономного округа (66°19' с.ш. и 82°16' в.д.)⁴. Анализ специфически башкирских топонимов и гидронимов с компонентами *ман* и *һаңы, гәңе* со всей очевидностью показывает, что историческое название *Мангазея*, восходящее к названию речки *Мангазейки*, полностью вписывается в систему топонимии башкирского языка. Эта мысль усиливается и тем, что *Мангазея* (*ман* + *һаңы*) вместе с гидронимом *Таз*, образованным от древнейшего башкирского этнонима *таң* (таз), о чем мы уже писали выше, составляет единый ареал башкирских топонимов на севере Западной Сибири.

Не меньший интерес представляют наименования с топоформантом *-ман* с совершенно прозрачной основой: *Һарлыман* (Карламан), речка, лев. пр. Белой в Кармаскалинском р-не и там же деревни *Һарлыман* (Карламан), *Һарлыманбаиш* (Карламанбаш) и жд. ст. *Һарлыман* (Карламан), где *Һарлы* может быть интерпретировано как «снежная»; *Талышман*, г. в Учалинском р-не (с. Уразово) – *тал* + *-ыш* «ивовая»; *Һараман* (Караман), р. в бывш. Бузулукском уезде Оренбургской губ. (впервые зафиксировано, по Ф.Г. Хисамитдиновой, в 1627 г.). Ср. топонимы *Караман* в Турции (вилаят Конья) и во Франции (департамент Верхняя Гаронна). Нет сомнения в том, что все эти топонимы, как и названия на *ман* в сочетании со специфически башкирскими компонентами *һаңы, саңы, яңы*, исконно тюркского происхождения. Это убеждает в том, что элемент *ман*, возможно, будучи реликтовым (индоевропейским в своей основе), до позднейшего времени активно функционировал в башкирском языке. В топонимии как номенклатурный термин формант *ман* мог применяться в значениях «река» и «гора». Башкирский ученый М.И. Уметбаев писал: «По обоим берегам Агидели довольно много следов древних городов, названий мест, бывших когда-то нарицательными именами, ставших теперь собственными. Эти названия говорят о значительных отличиях

¹ Ямалова Г. Тарих тамырын юллаһанда // БашЖортостан, 1995, 10, 20 июля.

² Попова В.Н., Байтанаев Б.А. Гидронимические параллели Южного Казахстана и Поволжья // Шестая конференция по ономастике Поволжья 26-28 сентября, с. 114-115.

³ Малолетко А.М. Палеотопонимика. – Томск, 1992, с. 142-143.

⁴ Белов М.И. Раскопки «златокопящей» Мангазеи в 1968-1969 гг. // История географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 5. -М., 1971, с. 28-31.

языка древних башкир от современного. Например, раньше для обозначения горы (*тау* или *таһ*) применяли слово *ман*¹.

Рассмотрим далее ареалы распространения древнебашкирских гидронимов на *һағы*, *ғәге*, *һаға*, *Һағы* в знач. «река». Для гидронимии Южного Урала это колоритный и продуктивный в прошлом термин. С термином *һағы*, *ғәге* и его вариантами, который, по мнению многих топонимистов, связан с древнетюркским *ügüz* «река» с тем же значением, образованы такие наименования: *Ауырһағы* (Аургаза), *ТSpjsgәге* (Турсагазы, на картах искаженное Турсагали), *Урһаға* (должно быть Ургаза, на картах – Уртазымка), *Кййргәге* (Куюргазы), *Тилсгәге* (Телегаза), *Баһағы* (Багазы), *Һыйһағы* (Кигаза), *ТарҺағы* (Тарказы), *Майһағы* (Майгазы, Майгаза), *Байһағы* (Байгазы), *Һолоһағы* (Кулугазы), *Торһағы* (Торгазы), *АҺағы* (Ангазы), *ТSlsgәге*, *Ырһағы*, *Һорһаға* (Кургазак), *Һарһағы* (Каргазы), *Ороһағы*, *Ярһағы* (Яргазы), *Mshsgә* (Манагаз) и т.д. Перечисленные гидронимы отражают территорию практически всего расселения башкир на Южном Урале и в Предуралье (за исключением лишь нескольких север-западных районов) вплоть до бывшего Мензелинского уезда Уфимской губ. на западе и до Челябинской обл. на востоке. Названия рек *Ырһағы* (Иргиз, Большой и Малый), лев.пр. Волги и *Иркыз* (Иркиз), в басс. р. Кубань, *Ырһағы* (Иргиз) в Актюбинской обл. Казахстана также следует связывать со специфически башкирским гидронимом *һағы*, *ғәге*, *Һағы*, *һағы*, *һағы*, *һағы*, *һағы* в указанном выше значении².

За пределами Южного Урала и Среднего Поволжья гидронимы с компонентом *һағы*, *ғәге* компактно сгруппированы в таких регионах Восточной Сибири, как бассейны рек Чуя (Алтай), Кобдо (южный склон хребта Сайлюгем, Западная Монголия) и Абакан (Западные Саяны). Это следующие наименования: *Чаган-Бургазы* и *Боро-Бургазы*, *Кайгазы*, *Ангазы* и *Магазы*, *Байгазы* и *Бегазы*. В этом же ряду и *Большая Янгаза*, назв. лев. пр. Иртыша. В системе оз. Балхаш в Казахстане также известны гидронимы *Байгазы* и *Бегазы*³. Как отмечает А.М.Малолетко, первым среди топонимистов исследовавший эту группу наименований Восточной Сибири, значение компонента *һағы* (*Һағы*) из тюркских языков Саяно-Алтайского нагорья не раскрывается. Но в башкирском *һағы*, *Һағы* является древним термином со значением «река» и идентичен древнетюркскому *ügüz* (угуз) «река». Термин этот, в отличие от других регионов, принимает, в чем мы только что убедились, самое активное участие в образовании гидронимов как современного, так и исторического Башкортостана. А.М. Малолетко вполне резонно ставит вопрос: «являются ли сибирские топонимы на *һағы* следствием пребывания племен, вошедших позднее в состав башкир, или у алтае-саянских тюрков и предков башкир самостоятельно, по общим законам развития тюркских языков, сформировались идентичные термины со значением «река»⁴.

Большой интерес представляют для исследователей башкирской топонимии наблюдения А.М. Малолетко о гидронимах с основой *уй* «низменность, низина»; «долина, ложбина». Он пишет: «Реки с названием Уй известны на обширной территории от Охотского моря до Венгрии; несомненно, они имеют различное происхождение (языковую привязку). Но имя притока Тобола – р. Уй явно связано с башкирами. Несомненно тюркским является и название р. Уй, притока Иртыша (Омская область) и Уй, левого притока Енисея»⁵. В то же время, в отличие от А.М. Малолетко, можно с большой уверенностью допустить, что названия всех этих рек от топоосновы *уй* в указанном значении имеют скорее всего единое, т.е. собственно башкирское происхождение. Ареал его распространения полностью вписывается в те регионы, в которых с большей или меньшей частотой представлены пласты древнебашкирской топонимии.

Анализ топонимов с основой *уй* и его производных: *уйпат*, *уйбат*, *уймат*, *уйма*, *уйыл*, *уя*, *tüs*, *tüsge*, *tüsün*, *уяң*, *уйкыу* (pp. *Уй*, *Уйыл*, *Tüs*, *Tüsge*, *Tüsün*, *Унсан-Уймат* и т.д.), а также гидронимов с формантом *һағы*, *ғәге*, *Һағы*, *һаға* в Башкортостане и Восточной Сибири дает основание сделать вывод о пребывании в прошлом, в период до монгольского нашествия, ряда башкирских племен в тех отдаленных регионах.

Одной из характерных для башкирского языка топооснов является слово *сал* «камень», где начальное *с* соответствует общетюркскому *ч*. Примеры: *Салда*, две реки в Свердловской обл. – прав. пр. Тагила и прав. пр. Туры, а также города *Верхняя Салда*, *Нижняя Салда* и с. *Прокопьевская Салда* (в основе – баш. *сал* «камень» + афф. обладания *-ды*), упомянутое выше оз. *Салбат* в Хакасии; *Салдыбаи*, р., лев. пр. Уфы в Нуримановском, *Салсы* (Салсык), речка в Миякинском, *Салтоба* (Салтуба), г. в *Караидельском*, *Оюнсал* (Узунсал), речка в Бурзянском, *Салкак* (Челкаково), с. в Бураевском, Сальевка, две дер. в Дуванском и Мечетлинском р-нах Башкортостана (Сальевка от *сал* < *уя* «каменная ложбина» с рус. суффиксом *-ка* в конце). Едиными для Восточного Башкортостана и Алтая гидронимами являются названия рек *Сапсал* и *Шапшал*, где компонент *сал* и *шал* (чередование *с ~ ш*) имеет одно и то же значение «камень». Собственно башкирскими по происхождению являются также: *Сал*, р., *Сальск*, гор. и *Сальская степь* в Ростовской обл., *Салобеляк*, с. в Кировской обл. (где *сал* «камень», *беляк* < *буляк* (*бSlск*) «участок леса на склоне горы, среди

¹ Ымгтбаев М.И. Ысдксп. – Ыфг, 1984, с.199.

² Надергулов У.Ф. О происхождении гидронима Иргиз // Шестая конференция по ономастике Поволжья 26-28 сентября 1989 г., с.109-110.

³ Малолетко А.М. Палеотопонимика., с. 146-147.

⁴ Там же, с. 147.

⁵ Там же, с. 146-147., с.148.

поля»; *Салдаманово, Салдо-Майдан*, села в Ростовской обл. (*салдо* < *сал* + *-ды* + *ман*; *сал* + *-ды* и *майдан* во втором компоненте). К этому же ряду относится и гидроним *Салгыр* – назв. р. в Крыму.

Продуктивность апеллятива *сал* «камень» (в чувашском *чул*, татарском *чал* в том же знач.) восходит к домонгольскому периоду, вероятно, к IX-X вв.

Своеобразное место в географической номенклатуре занимает малоисследованная до сих пор топооснова *бесмшн/ несмшн*, основной ареал которого охватывает главным образом западный и северо-западный регион древнего Башкортостана. Апеллятив *бесмшн, несмшн*, по своему составу и семантике по существу совпадающий с известным на Верхней Каме загадочным этнонимом *бесермшн* (бесермян), состоит из основы глагола *бес* – (*бесеS*) «кроить, резать» и словообразующего форманта *-мшн*. В слове же *бесермшн* имеем ту же специфически башкирскую глагольную основу *бесеS* в форме *бесер* «кроящий; тот, кто будет кроить» + словообразующий компонент *-мшн*. В первом случае – со словом *бесмшн* произошло становление местного географического термина, по-видимому, в значении «межа; межевой, межевая (участок, речка, ложбина)» и т.д. Что касается этнонима *бесермшн* «кроящий; тот, кто кроит», то этимологию этого слова следует связывать с терминологией занятий, профессий предков этой группы населения в Волжской Булгарии. Бесермяне, видимо, действительно были одной из групп башкир в Булгарском государстве. Информация об этом закрепились в самом этнониме. Отметим специфически башкирские топонимы с основой *бесмшн, несмшн*:

Песмшн (*Письмянка*), речка, прав. пр. Усени в Белебеевском р-не (прежде – *Песмшн-Наран*); *Писмшн* (*Писмень*), речка в Калтасинском, *ПисмшнтамаJ* (*Письмянтамак*), дер. в Буздякском р-не Башкортостана и в бывш. Юрминской вол. Казанской дороги Башкирии; *Бесмшн*, офиц. *Ньыриас* (*Курдасово*), дер. в Кувандыкском р-не Оренбургской обл., *Песмшн* (Песмень), речка в Бардымском р-не Пермской области. Кроме того, в Апастовском, Кукморском, Мамадышском, Пестречинском, Балтасинском, Лениногорском р-нах Татарстана известны восемь топонимов со специфически башкирской основой *несмшн*. Город Лениногорск и одноименный район в Татарстане до 50-х годов также назывались *Песмшн* (*Письмянка, Письмянский*). Кроме того, имеется несколько топонимов и микротопонимов в форме *Пичмшн, Печмшн* в Актанышском р-не Татарстана, в Бардымском р-не Пермской обл., Дюртюлинском р-не Башкортостана, где башкирское *несмшн* адаптировано татарским языком в форме *печмшн*. Названия с топоосновой в форме *несмшн, бесмшн* и ареал распространения этих наименований, безусловно, составляют одно из специфических явлений башкирской топонимики.

Оригинальное толкование природы топонимов с апеллятивами *Жаран* «незамерзающий родник, речка», «попынь» и *айыр, айыры* «развилка, развилостый», «отрог», *ацыр* «плоскогорье» принадлежит А.А.Камалову¹. Привлекая обширный фактический материал, он вполне убедительно доказывает, во-первых, что «названия с апеллятивом *Жаран* занимают особое место в топонимической системе башкирского языка», ибо «слово *Жаран* представлено только в башкирском языке и не известно другим тюркским языкам». Тот факт, что в некоторых других тюркских языках имеются близкие по форме слова (*гаранлык* в азербайджанском, *карамтык* в алтайском, *каранча* в ногайском, *karanlik* в турецком), не меняет сути дела, ибо все они связаны не с термином *Жаран*, а с другими апеллятивами: *ЖараГьы* «темный, мрачный», *ЖараГьылыJ* «темнота, мрак». В топонимии Башкортостана апеллятив *Жаран* участвует, по данным А.А.Камалова, в составе 113-и гидронимов. (В это число не вошли вторичные топонимы, которых, пожалуй, столько же, сколько и основных.) Исходя из того, что апеллятив «*Жаран* является собственно башкирским словом и топонимы, образованные с его помощью, могли иметь собственно башкирское происхождение», А.А.Камалов приходит к выводу, «что гидронимы с *Жаран* свидетельствуют о месте обитания древнебашкирских племен, центр которого находился в западной половине исследуемого региона»².

В отличие от топонимов с апеллятивом *Жаран*, имеющих общепашкирский характер, «непосредственными носителями и распространителями топонимов с терминами *айыр, айыры, айырыJ* и *ацыр* были башкиры племени *кыпсак* и они «преимущественное распространение получили не всюду, а в основном в *кыпсакском* этническом ареале башкир». При этом слово *айыр* и его аллолексы представлены в тех тюркских языках, которые в прошлом испытывали кипчакское влияние.

В качестве собственно башкирских лексем в топонимии А.А.Камалов перечислил в целом около 30-и апеллятивов, например, такие, как *бггл, гртн, дSгсл, егес, йыца, йырын, кSлsS, кSлsSек, кSI, ЈашлаJ, мsмерйs, саттыJ, сSгермск, тSбслsс, каJлау // каJтау, карJыу, кеSшн, кыца, шаршы, ятыу* и т.д. Сюда надо причислить и такие специфически башкирские топоосновы: *асы* «горький, солоноватый», *йшн* «душа», *Јот* «дух, душа», *Јул* «лог, ложбина», *Јур* «закваска, солод (в топонимии – местность с закваской, источником)», *Јурны* «мелколесная ложбина, место с выходом грунтовых вод», *саьыл* «косогор», *сатра* «развилка», *сауЈа* «молодой березняк», *сауЈалыJ* «березняк, березовая роща», *сит, сик* «край, окраина, граница», *суЈалаJ* «бугорок, холмик», *суЈы* «пик горы», *суса, сусаJ* «пик горы, сопка», *шацы, шsце, сsце, шшце* «наледь, речка с наледью», *тыуыш* диал. «наледь», *шар* «болотистое место», *шаршы* «перекат», *шыр* «непроходимый, густой», *шырлыJ* «чаща, дебри», *шыя* «шуга, сало (на воде)».

¹ Камалов А.А. Башкирская топонимия. – Уфа, 1994, с.225-227.

² Там же, с.227.

Работы по выявлению такого рода топооснов и определению ареалов их распространения необходимо продолжить.

Проведенный выше анализ раскрывает широкую панораму, характеризующую ареал башкирской топонимии на территории исторического и современного Башкортостана и свидетельствующую о древнейших связях башкир и башкирского языка не только с прилегающими, но и с отдаленными регионами.

Возвращаясь к проблеме построения исторической географии Башкортостана, целесообразно наметить ее основные, узловые моменты на обозримом историческом пространстве и исходя из компактного расселения башкир в наиболее характерные периоды времени. Так, на данном этапе представляется реальным, на основании проведенного анализа, выделить следующие наиболее важные этапы исторического расселения башкир на Южном Урале и в Предуралье: 1) древнейший период (с VII-V вв до н.э. до VIII в.н.э.); 2) период с IX по начало XIII в., т.е. до монгольского нашествия; 3) период с середины XIII до середины XVI в.; 4) период с середины XVI до середины XVII в.; 5) период со второй половины XVII по начало XX в.; 6) время с 1917 до 30-х гг. XX в. Время после присоединения Башкортостана к России характеризуется соответствующим выделенным выше этапам развития исторической географии Башкирии промышленным и колониальным освоением региона и постепенным сокращением башкирских земель. Процесс поэтапного сжатия компактного расселения башкир и привел к развитию такого феноменального явления, как башкирская топонимия, охватывающая огромную территорию Южного и частью Среднего Урала, Предуралья и Зауралья и выходящая далеко за пределы современного Башкортостана.

Темой специального исследования могли бы стать в будущем топонимические параллели Башкортостана с отдаленными регионами, изучение которых поможет раскрыть малоизвестные страницы исторического прошлого и топонимического наследия как самих башкир, так и других народов Евразии.

ГЛАВА III. ОРФОГРАФИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

Вопрос о правописании географических названий, а также проблемы передачи их в другие языки, разработка точной научной транскрипции занимают одно из важнейших мест в топонимических исследованиях. Причем те же правила орфографии собственных имен, работа по упорядочению написания и произношения иноязычных названий сохраняют актуальность для полноценного функционирования любого национального языка. Понятно, что башкирский язык не является в этом плане исключением. Возможно, с той лишь разницей, что в национальной республике, в условиях функционирования как русского, так и родного языка эта проблема приобретает особую значимость. Причем сама постановка вопроса имеет ряд важных специфических моментов, связанных с двуязычием и многоязычием. Свой отпечаток накладывает также отсутствие в историческом прошлом научно обоснованной транскрипции иноязычных (в данном случае – башкирских) названий на русский язык, что привело к появлению и закреплению на географических картах большого количества ошибок и искажений в написании топонимов на русском языке. Вместе с тем назрела необходимость более углубленной разработки вопросов правописания географических имен в самом башкирском языке. Здесь, кроме правописания собственно башкирских названий, в той же мере, как и, скажем, в русском языке, существует проблема транскрипции иноязычных наименований. Таковыми для башкирского языка будут и те многочисленные топонимы, которые вошли в него из русского языка и активно применяются в письменной и устной речи башкир. Должны быть выработаны и принципы передачи на башкирский язык географических наименований из других языков, включая как ближнее, так и дальнее зарубежье. Для нас же самих не может быть безразличен вопрос транскрипции башкирских имен собственных не только в русском, но и в других языках. В этом вопросе есть свои нюансы и особенности. Заметим в связи с этим, что основное своеобразие здесь заключается в том, каким путем воспринимается то же самое специфически башкирское наименование другими языками мира – с учетом написания и произношения в самом оригинале или через посредство другого языка. Результат в том и другом случае может оказаться различным. Однако, в силу обширности проблемы, мы в данной работе решили ограничиться следующими, основными, с нашей точки зрения, аспектами орфографии собственных имен в башкирском языке применительно к топонимии: 1) правописание собственно башкирских географических названий, 2) транскрипция иноязычных географических названий в башкирском языке. Итак, остановимся на наиболее важных аспектах рассматриваемого вопроса.

Правописание собственно башкирских географических названий.

Нормы правописания географических имен в самом общем виде изложены в издании «Алфавит и орфография башкирского литературного языка»¹. Анализ структуры и орфографии башкирских топонимов рассматривается в специальной главе книги «По следам географических названий...» Уфа, 1986г.(с.136-161). Основные положения исследуемого вопроса сводятся к следующему:

1.1. Все компоненты, входящие в состав названия, пишутся слитно. К этому ряду относятся наименования, созданные по типу детерминативных определительных словосочетаний, а также топонимы,

¹ БашЛорт сүсби теленел' алфавиты ксм орфографиякы. -Һфг, 1982. – 19. с..

представляющие собой сложные развернутые словосочетания: *АсылыкСл* (оз.), *Алтай*, *Наратау*, *Уралтау*, *Уртатау*, *Нуштау*, *Йтсктау*, *Торатау*, *Цуһылматау* (горы и нас. пункты), *МеГтаралма* (лесной массив). В качестве первого компонента детерминативных определительных словосочетаний выступают и причастия прош. вр. на *-һан*, *-гән*: *БожЯнЛыуаЛ* (микротопоним). Сложные развернутые словосочетания типа *БалтапЯн*, *Маянһан* (*май янһан*), *Наръяуһан*, *Ташиқкшн*, *Атсабар*, *Аһетсп*, *Баламһсбеи*, *Бейгилде*, *Киленбирце*, *Норъятмај*, *Этбармај*, *ДһисбатЯн* (микротопонимы, оронимы, гидронимы, ойконимы) приближаются по своей структуре к предложениям. Такого типа словосочетания состоят иногда из трех-четырёх компонентов: *АйһуталаһанЯул* (ложб.), *АтсапЯнтау* (гора), *ҺриһштгикшнЯул* (ложб.), *БалыЙебспгшкСл* (озеро), *ЙһешлЯулбаһялан* (поле), *Билһсекбашыбиһитирск* (местн.).

1.2. Слова, функционирующие в качестве определений к географическим наименованиям, пишутся раздельно, с заглавной буквы: *Оло Эйек*, *Кесе Эйек* (реки), *Оло ҺисСбс*, *Кесе ҺисСбс*, *Иҗке Сһһһ*, *ЯҒы Сһһһ*, *Һрге Балтас*, *ТСбһһге Балтас*, *1-се ЭтЈол*, *2-се ЭтЈол*. Однако в случае, если определяемое слово теряет свое самостоятельное значение и вместе с определяющим словом принимает участие в образовании сложного названия, наименование пишется слитно: *Аһицел*, *Нарицел*, *КСәицел*, *Олоһылһа*, *ОлокСл*, *Олоялан*, *Олотп*, *Нуһийһылһа*, *ТаЙһылһа*, *Һарыһамыш*, *НараяЈуп*, *ДСртгилл*, *ҺсбСлск*, *БиһбСлск*, *Биһтскс*, *СереккСл*, *ЙҒиболан*, *Ныртартма*, *ЯЛтыгСл*, *Янһантау*, *ЯПауыл* и др. (реки, озера, местности, нас. пункты).

1.3. Каждый из компонентов сложных названий, образованных от двух (реже и трех) самостоятельных собственных имен, пишется с заглавной буквы и между ними ставится дефис: *Нолтай-Наран* (вариант *Тамһан-Нолтай-Наран*), *Наран-НугЈај*, *КСл-НугЈај*, *Еҗем-Наран*, *НәҒны-Түрксй*, *НыһсаЈ-АсЈар*, *Сһһһй-Бирһһн*, *Кһһһй-Нобау*, *Нәҗалар-Нобау*, *Батырһа-Нобау*, *Танып-Шуһһмс*, *Таубаһ-БаҗраЈ*, *ТауЈај-Гһһһн*, *Ташлы-Шспп* (нас. пункты). Через дефис должны писаться и топонимы, образованные способом основосложения и усечения – при условии, если оба компонента восходят к именам собственным: *Баш-Шуце*, *Баш-БармаЈ*, *Баш-Бүртт*, *Баш-Илсексй*, *Баш-һлмс* (прежняя форма – *БашЈорт Шуцеке*, *БашЈорт Бармаһы* и т.д.), *Тат-Йспмис*, в прошлом: *Баш-Йспмис* (образовано от *Татар Йспмиске* и, соответственно, *БашЈорт Йспмиске*) (нас. пункты).

1.4. Номенклатурные термины, образованные с помощью аффиксов принадлежности III лица (*-ы*, *-е*, *-о*, *-г*, *-кы*, *-ке*, *-ко*, *-кг* и т.д.), в топонимах, образованных по способу тюркского изафета второго типа, пишутся раздельно: *АБирце тСбске*, *АЈолай тауы*, *Алтынбай сауЈакы*, *Бикбау урманы*, *Урал тауы*, *Кинһсбай менһн Кинһсбикс ујаЛыһы*, *һлиһй Мспгшн зыараты*, *Бггһлмс-Бслбсй ЈалЈыулыһы* (наименования гор, лесов, возвышенностей). Однако те же термины пишутся слитно в конструкциях тюркского изафета первого типа, когда происходит сокращение аффикса притяжательности как функционально малозначащего элемента, приводящее к сращиванию составных частей сложных наименований: *Уралтау* (<*Уралтауы*), *БайЈыбаһ* (<*БайЈы башы*) *БЈлаЈбаһ* (<*БЈлаЈ башы*), *Стспрлебаһ*, *СтспрлетамаЈ* (<*Стспрле башы*, *Стспрле тамаһы*), *Нарауылтау* (<*Нарауыл тауы*) и т.д.

1.5. Фонетические и морфологические диалектизмы в топонимии, отражающие специфику местного разговорного языка башкир как в отношении к современному его состоянию, так и в плане историческом, в основном остаются без изменений: *Урцы*, *Урацы*, *СоЈацы*, *Сусацы*, *Маһаһты*, *Нурһаһты*, *Суртанды*, *Һлһһде* – афф. наличия *-һы*, *-һы*, *-һы*, *-һе* вместо лит. *-һы* (реки, горы, озера), *Таҗлар* (село) – афф. мн. ч. *-лар*, лит. *-лар*, *АсылыкСл*, *НандракСл* (оз.) – вместо лит. *АсылыгСл*, *НандрагСл*.

Однако языковая практика показывает, что данный принцип, особенно в плане фонетическом, не может быть принят безоговорочно. Это относится, например, к названиям, в которых находит отражение чередование по линии *к ~ ж* в демском говоре башкирского языка. В силу все более усиливающегося влияния литературного языка даже такие наименования, как *Цанайҗары*, *Царайтау* (горы в Альшеевском р-не), *Царай*, *Царыш*, *Царт-Лабау*, *Царт-Хсһһн* (дер. в Альшеевском, Чишминском и Иглинском р-нах), зафиксированные в «Словаре топонимов Башкирской АССР» (Уфа, 1980) с сохранением их диалектных особенностей употребления, в башкирской периодической печати функционируют в соответствии с нормами литературного языка, т. е. с употреблением *к* вместо *ж*: *Ганайҗары*, *Гарайтау*, *Гарай*, *Гарыш*, *Гарт-Лабау*, *Гарт-Хсһһн*. Та же самая тенденция действует и в отношении топонимии северо-западного и западного региона Башкортостана, где в фонетическом строе языка местных башкир произошло размывание таких наиболее специфических согласных, как *к* и *ж*, что привело к сдвигам в плане чередования *к, ж ~ с* и *с ~ ч*. В такой ситуации вполне закономерно применение норм литературного языка в вопросах правописания исконно башкирских топонимов, впрочем, не только названного выше региона, но и других территорий исторического Башкортостана. В соответствии с таким принципом выработана норма правописания в башкирском языке для таких наименований, как *СаЛмаһош* (реки в Бурзянском и Чекмагушевском р-нах и известное село в одноименном р-не), *Балтас*, *СалЈаЈ*, *Салмалы* (села), *Һарыҗи* (речка), *Һынтаһи*, *Һынны* (речка и села), а также *ҺатЈы*, *Һарытау*, *Саллы*, *Силһбе* и т.д.

2. Транскрипция иноязычных географических названий в башкирском языке.

Вопрос этот, безусловно, имеет свои специфические особенности. Прежде всего, при определении нормы правописания, т.е. по существу в процессе графической передачи топонима с одного языка на другой в той или иной мере происходит адаптация чужого имени в целом по следующему принципу: «Надо сохранять

своеобразие чужого языка и норму родного»¹. Принцип довольно мудрый и справедливый, но в то же время весьма трудно достижимый, чем, в первую очередь, и могут быть объяснены сложности в написании иноязычных названий как в башкирском, так и в русском языках. Но при этом чрезвычайно важно, чтобы, придерживаясь нормы родного языка, стремиться передать и своеобразие чужого наименования. Суть вопроса очень хорошо выражена А.А.Реформатским в его статье «Орфография собственных имен». Иными словами, как пишет выдающийся русский языковед, «то, что не перечит норме и возможностям своего языка, пусть сохранится в транскрипции и пусть это выглядит не вполне как свое..., так как чужие имена собственные все-таки остаются в той или иной степени «варваризмами» в составе своей лексики.»² Выработка принципов правописания данной группы наименований в башкирском языке и должна быть направлена на достижение этой обоюдно важной задачи.

Интересно заметить, что в процессе функционирования и развития национального литературного языка в Башкортостане, несмотря на отсутствие научно обоснованных норм транскрипции иноязычных топонимов, начиная еще с 20-х годов накоплен довольно ценный опыт освоения данного разряда собственных имен. Пример тому – средства массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение), а также учебники и учебные пособия, научно-популярная и художественная литература, издающиеся на башкирском языке, в которых употребление географических наименований вовсе не ограничивается территорией Башкортостана. Благодаря этому в современном башкирском языке преодолен целый ряд трудных случаев транскрипции наименований, вошедших, например, из русского и через посредство русского языка. Один из таких случаев – передача на башкирский язык сложных топонимов типа Ростов-на-Дону, Комсомольск-на-Амуре, Франкфурт-на-Майне и др. Можно считать бесспорным принятое в башкирской периодической печати написание этих наименований в форме *Дондаһы* Ростов, *Амуриһы* Комсомольск, *Майндаһы* Франкфурт и т.д. В то же время следует различать так называемые переводимые названия (Дальний, Ближний, Передний Восток – *Алыҫ, Ялың, Алыһы Ктыһыһыш*, Белое море – *Аҫ дилҫеи*, Черное море – *Һара дилҫеи*, Красное море – *Һыҫыл дилҫеи*, Желтое море – *Ғары дилҫеи*, Мраморное море – *Мспмсп дилҫеи*, Средиземное море – *Урта дилҫеи*, Тихий океан – *Тымыҫ океан* и др.) и, в противовес этому, наименования, которые не поддаются адаптации средствами другого языка, но вместе с тем не противоречат его норме и возможностям. Таковы специфически русские по форме и звучанию топонимы Архангельск, Березники, Благовещенск, Петрозаводск, Петропавловск, Рубежное, Рыбинск, Углегорск, Усолье, Ярославль или Новокузнецк, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский. В Башкортостане это, прежде всего, многочисленные названия таких населенных пунктов, как Александровка, Алексеевка, Васильевка, Ивановка, Николаевка, Вознесенка, Воскресенское, Березовка, Вязовка, Сосновка, Каменка и т.д. Эти наименования без каких-либо трудностей вписались в башкирский язык. Особое место в плане русско-башкирского взаимодействия в топонимии занимает имя столицы России Москвы и, естественно, Москвы-реки. В башкирском языке название Москва и производные от него географические имена неизменно звучат в форме *MscksS* в своей основе: *MscksS* (гор.), *MscksS йылыһаҡы*, *MscksS тлкске*, *MscksS эрскке*. Это связано с тем, что наименование *MscksS* воспринимается башкирами не как чужое, а, без всякого преувеличения, свое, родное, близкое. Ибо в башкирском, возможно, единственном среди тюркских языков, сохранились не только топонимы и личные имена *MscksS*, но и как бы в живом виде нарицательное имя *mscksS*, *msjksS* (петля для ловли щук). Можно полагать, что к слову *mscksS*, *msjksS* восходят: личное (устаревшее) имя у башкир *MscksS*, от которого образованы ойконимы *MscksS* и *MsjksS* (Москово) в различных регионах Башкортостана, гидроним *MscksS* (речка, прав. пр. М. Сюрени в Зианчуринском р-не). В XIX в. имелось еще несколько башкирских деревень *MscksS* (Москово). Судя по историческим документам, имя и фамилия *MscksS* и *MscksSов* (Москов) также не были редкостью среди башкир. Было бы неуместным в данной работе вдаваться в проблему этимологии названия города и реки Москвы, но, тем не менее, следует заметить, что данные башкирского языка, сохранившего целый ряд древнейших, реликтовых элементов в своем лексическом составе и фонетическом строе, заслуживают серьезного внимания русских топонимистов при рассмотрении вопроса об этимологии названия города и реки Москва.

В целом вопросы транскрипции иноязычных названий в башкирском языке необходимо решать дифференцированно, исходя из понятия родственных и неродственных языков. При этом чем ближе родство языков, тем активнее процесс адаптации собственных имен, особенно на фонетическом уровне. Например, казахское *Жетысу* (историческая область на юго-востоке Казахстана), вошедшее в русский язык по способу калькирования в виде Семиречье, в башкирском освоено в форме *Етеһыу*, поскольку оба компонента, образующие наименование (*жеты* «семь» и *су* «река, вода»), восходят к общетюркской лексике. Такая же собственно фонетическая адаптация характерна для написания таких известных наименований, как *Еуҫаһыған* (казах. *Жезҫаһыған*), *Жамбул* (*Жамбыл*), *Аҫмбс* (*Аҫмбс*), *Кҫксмтау* (*Кҫкшетау*). Киргизское *Беһкск* (в рус.яз. Бишкек), казах. *Медеу* (Медео), турецкое *Истанбул* (Стамбул) воспринимаются башкирским языком совершенно без изменений в форме *Беһкск*, *Медеу*, *Истанбул*. В результате длительных исторических связей с арабско-персидской культурой в башкирском языке выработались нормы правописания многих известных

¹ Реформатский А.А. Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. – М.: Наука, 1965, с.10.

² Там же.

географических имен Ближнего и Переднего Востока с учетом их звучания в оригинале. Это относится к названиям ряда стран, рек, городов и т.д. данного ареала: *Һаҡирс* (в рус.яз. Каир), *Мәккәс*, *Мәҫһиһ* (Мекка, Медина), *Тәкрән* (Тегеран), *Мәшхәд* (Мешхед), *Мысыр* (Египет), *Сәһүд Әһрәһбәһтәнә* (Саудовская Аравия). Совершенно оригинально решен в башкирском языке вопрос о правописании и ряда других имеющих широкую известность географических имен мира: *Ғиндостан* (Индостан), *Ғиндукуш* (Гиндукуш), *Ғинд-Һытай* (Индокитай), *Бҫүк* Британия (Великобритания), *АҒШ* (США) и др.

Опыт освоения и нормирования правописания иноязычной топонимии в башкирском языке, в том числе наименований географических объектов ближних и дальних стран, показывает, что эта работа должна быть продолжена не только через посредство другого (в данном случае – русского) языка, но и с обязательным учетом их написания и произношения в самом оригинале.

Суммируя сказанное по проблеме передачи иноязычных географических названий в башкирском языке, необходимо сформулировать несколько общих принципов.

2.1. Основным способом передачи топонимов на башкирский, так же, как это принято в правилах передачи иноязычных наименований на русский язык, следует считать практическую транскрипцию¹.

2.2. При определении норм правописания иноязычных названий чрезвычайно важно учитывать их звучание и написание в оригинале. Это требование особенно важно по отношению к топонимии родственных и близких по культурно-историческим традициям народов и стран. Однако этого положения желательно придерживаться и в других случаях. Например, топонимия западно-европейских стран традиционно передается на башкирском языке через посредство русского языка. При этом не берется во внимание наличие звуков, фонетически сходных для башкирского языка, с одной стороны, и английского, испанского, немецкого, венгерского – с другой. (Речь идет о звуках, которых нет в русском языке.) Тем самым сводится на нет прекрасная возможность сохранения того колорита иноязычных наименований, который вовсе не был чужд башкирскому языку. На этой почве происходит, например, разночтение в передаче немецкого топонима *Halle* (рус. Галле), которое в башкирской печати функционирует в двух формах: *Галле* и *Ғалле*. Башкирские межзубные звуки *и* и *ј* очень близки по звучанию к аналогичным звукам английского языка. Более того, нам удалось обнаружить, что звук, передаваемый буквой *z* в испанском (в словах *zapato* «башмак», *gracias* «спасибо», *pozó, pozos* «колодец, колодцы»), а также в топониме *Zaragoza* рус. Сарагоса) идентичен башкирскому *ј*. Следовательно, нет ничего неожиданного, если правописание названия провинции в Испании и его административного центра Сарагоса в башкирском языке будет в форме *Царагоја*. В то же время основной корпус широко известных географических названий мира, вошедших в башкирский через посредство русского языка, за исключением тюркских и арабо-персидских и прозрачных по своему значению описательных наименований типа острова Зеленого Мыса (*Йәшәл Морон утрауҙары*), Соединенные Штаты Америки (*Америка Һушма Штаттары*), Северный Ледовитый океан (*Тһняҫ Боҫло океан*, для сравнения в туркменском – *Тимерказык тенизи*), Берег Слоновой Кости (*Фил Ғһһге Яр буйы*) и т.д., в башкирском пишутся с сохранением норм русской орфографии (т.е. орфографии языка-посредника). Это огромное количество топонимов как ближнего, так и дальнего зарубежья, которые вошли или войдут в будущем в башкирский литературный язык. В качестве примера достаточно перечислить такой разряд широкоупотребительных географических имен, как названия столиц государств и крупных городов мира: *Варшава* (в произведениях башкирского фольклора – *Аршау*), *Киев*, *Лондон*, *Лос-Анджелес*, *Мадрид* (из араб. *Меджрид*), *Нью-Йорк*, *Рио-де-Жанейро*, *Сингапур*. Между тем некоторые однословные названия в форме мн.ч. восприняты башкирским языком из русского в форме ед.ч.: Афины – в баш. *Афина*, Сумы – в баш. *Сума*, Дарданеллы – *Дарданелл*.

2.3. В русских топонимах с определительными словами *верхний, средний, нижний, старый, новый* первый компонент, как правило, дается в переводе: Верхняя Михайловка – *Һрге Михайловка*, Нижний Тагил – *Тһһһге Тагил*, Старая Отрада – *Иҫке Отрада*, Новая Александровка – *ЯҒы Александровка*.

Названия с краткими прилагательными более устойчивы и в большинстве случаев сохраняют исходную форму: *Новоивановский, Старонадеждинский*. Однако та же конструкция имен с башкирскими компонентами в основе функционирует среди башкир совершенно независимо от той формы, в которой они переданы в русском языке. Ср.: в баш. *Оло Баураҫ* – в рус. Большебадраково, *Һрге Һҫҫһ* – Верхний Авзян, *Иҫке Балтас* – Старобалтачево, *Иҫкеҫл* – Старокулево, *ЯҒыҫл* – Новокулево.

2.4. В башкирском языке в топонимах с суффиксом *-ск-* сильна тенденция к их преобразованию. Например: а) замена *-ск-* суффиксом *-ка-*: Дербешкинский – *Дербешка*, Павловское – *Павловка*, Раевский – *Раевка*, Серафимовское – *Серафимовка*; б) выпадение *-ск-* и восстановление исконно тюркской основы: Бирск – *Бһрг*, Кирябинск – *Кһрһһс*. Однако башкирский язык не имеет эквивалентов префиксально-суффиксальным названиям русского языка, если даже они образованы от исконно тюркских основ. Поэтому наименования, образованные по типу *Приуралье* (в основе *Урал*), *Прибельский* (от гидронима *Белая*, которая в свою очередь является калькой с башкирского *Аһиәл – Агидель*) не имеют ничего общего с бережным отношением к национальному топонимическому наследию.

¹ Инструкция по русской передаче географических названий Башкирской АССР. – М.:Наука, 1983, с.4.

В топонимии исторического и современного Башкортостана, кроме указанных выше, имеется множество других русских по форме наименований с башкирской основой и гибридных русско-башкирских имен. Топонимы от башкирских основ, образованные по нормам русского языка, вместе с тем сохранившие в башкирском языке свою исконную форму, занимают довольно колоритное место на географической карте. Это такие известные наименования, как Челябинск (в баш. *Силсбе*), Кудеевский (*Кҫий*), Табынское (*Табын*), Стерлибашево (*Стспребаши*), Улукулево (*ОлокСл*) и т.д. Однако в ряде случаев русифицированная форма таких наименований становится нормой и башкирского написания. Таковы топонимы *Камбарка* (от баш.этнонима *камбар*), *Уфимский* (от названия гор. Уфы) и др. Башкирские компоненты в составе гибридных русско-башкирских и башкирско-русских топонимов в большинстве случаев пишутся по нормам родного языка. Например: Ивано-Кувалат (*Иван-Ныуалат*), Удельно-Дуваней (*Удельно-Дыуанай*), Катав-Ивановск (*Натау-Ивановск*), Кананикольский (*Нананикольский*). Однако есть случаи лишь частичного восстановления башкирской основы, например, Большеустыкинское (*Оло Усть-Икин*). В правописании известного наименования города (и области) Оренбург в форме *Ырымбур*, в основе которого лежит древнейший башкирский гидроним *Ур* (*Орь*), закрепилось традиционное произношение, характерное для разговорной речи башкир и произведений башкирского фольклора.

Принципы транскрипции иноязычных географических имен в башкирском языке не исчерпываются перечисленными в данной главе. Дальнейшее расширение и углубление работ в этом направлении остается задачей новых исследований.

3. К вопросу об упорядочении написания географических названий на русском языке и о восстановлении исторических наименований на карте Башкортостана.

Проблема упорядочения написания географических наименований существует давно. Она в равной мере актуальна не только в Башкортостане, но и в масштабах России. Об этом свидетельствует проведение в 1989 и 1990 годах двух всесоюзных научно-практических конференций на тему: «Исторические названия – памятники культуры». В эти же годы по всей стране прошла волна переименований, направленная на возвращение исторических топонимов. Восстановлены прежние наименования городов Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Самара, Набережные Челны, Ижевск, Рыбинск, Шарыпово, многим из которых буквально на нашей памяти были присвоены имена бывших Генеральных секретарей и членов Политбюро ЦК КПСС. Уже в постсоветское время столице Кыргызстана возвращено историческое название Бишкек, при этом устранено искажение, отразившееся в прежнем написании в виде Пишпек.

Следует остановиться еще на одном примере из области восстановления утраченных наименований. Речь идет о городе Целинограде, который на основании Указа Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в последнее время переименован в Акмола. Сюда, в бывший Акмолинск, решено перенести и столицу Казахстана. Отмечу также: город этот основан как крепость Акмола в 1830 году. Через 130 с лишним лет, во времена Н.С. Хрущева, он стал Целиноградом. И вот состоялось возвращение городу исторического имени. (Некоторые ошибочно полагают, что город Акмола назван в честь великого башкирского поэта Акмуллы. Это не более как заблуждение, т.к. крепость Акмола в значении «белый курган» возник еще до рождения Акмуллы). Но главная мысль здесь в том, что в примере с Акмолой, как и в случае с Бишкеком, произошло восстановление утраченного. Не случайно Советским фондом культуры это наименование было объявлено памятником истории и языка казахского народа и внесено в 1989 году в список исторических названий городов, подлежащих первоочередному возвращению.

В топонимии исторического и современного Башкортостана такого рода утрат исторических названий крупных городов не было. С другой стороны, на карте Южного Урала, пожалуй, больше чем где бы то ни было, внедрились многочисленные ошибки и искажения в самом правописании башкирских географических наименований на русском языке. Здесь с наибольшим размахом проявилось такое негативное явление, которое, например, в «Практическом руководстве по наименованию и переименованию географических объектов СССР» (М., 1987, с.5) названо «игнорированием особенностей топонимии данной территории и данного языка». Один из примеров такого игнорирования относится к историческому наименованию святыни древнебашкирской культуры – пещеры Шульган-Таш. Достаточно вспомнить, что пещера Шульган-Таш и речка Шульган с теми же именами воспеты и красочно описаны и в мифологических легендах башкир, и в героическом эпосе «Урал-Батыр», время возникновения которого уходит в глубину тысячелетий. В.И. Даль в 40-х годах прошлого века называл ее так же, как услышал от самих башкир. «Одна из знаменитейших пещер в Башкирии – это Бельская, или Шуллоган-таши. Ее смотрели и описывали Рычков и Лепехин», – писал он в известной публикации «Башкирская русалка». К сожалению, следующие поколения русских исследователей края стали вытеснять историческое название Шульган-Таш и вместо него начали культивировать придуманное ими же наименование Каповая. Особенно преуспели в этом А.В. Рюмин, вслед за ним О.Н. Бадер и др. Механизм этот понять нетрудно: научная и научно-популярная литература, да и большинство средств массовой информации издаются в стране на русском языке. В этих условиях при желании не представляет труда заглушить название, функционирующее в языке коренного народа. Это неверно. А ведь пещера была описана, как свидетельствует В.И. Даль, еще во второй половине XVIII века.

Считаем, что необходимо бережное отношение к культурному наследию и в примере с названием всемирно известной пещеры, пронесенным народом сквозь века и тысячелетия.

Искажение и последующее переосмысление произошло и в случае с названием горы Шакетау (Шскетау), что в окрестностях Стерлитамака. Гора и рабочий поселок совершенно неоправданно стали именоваться Шахтау. Между тем Шакетау как историческое наименование содержит в себе совершенно иную информацию, возможно, связанную с древними сако-массагетскими племенами. Как бы то ни было, переосмысление в форме Шахтау не имеет ничего общего ни с историей, ни с языком и культурой.

Требуется корректировка и в написании названий сел Мраково (Гафурийский и Кугарчинский районы). Образованы эти ойконимы вовсе не от слова «мрак», а от башкирского личного имени МораJ. Здесь представляется вполне целесообразным русское написание в форме Мураково вместо Мраково.

Ценнейшими с исторической точки зрения являются наименования Агидель, Караидель, Туяляс, Ургаза. Между тем названия этих рек вошли в русский язык отнюдь не с учетом особенностей языка-основы. Первое из них – Агидель (баш. Аьйцел) было освоено картографами путем перевода с башкирского языка в виде кальки и стало записываться как Белая Воложка, а затем как Белая. Гидроним Караидель удержался в языке башкир и татар, но на картах закрепилось другое наименование – Уфа. Впрочем, по имени реки Караидель названы село и район в среднем течении реки. Исторические наименования Агидель и Караидель, занимающие очень прочную позицию в башкирском языке, заслуживают того, чтобы быть восстановленными и на географической карте.

Изменились до неузнаваемости древнейшие гидронимы Туяляс и Ургаза. Туяляс с легкой руки картографов получил форму Худолаз, что в свою очередь дало повод для всякого рода ненаучных толкований. Гидроним Туяляс (Тгйслsj) как памятник истории языка ценен не только тем, что река с этим именем воспета в башкирской народной песне, но представляет интерес и как название этнонимического происхождения, свидетельствующее о генетических связях древних башкир с племенами телесов, тёлёсов.

Река Ургаза (баш. *Урһаца*) в Башкирском Зауралье зафиксирована на географических картах также с большим искажением – в форме Уртазымка. Написание названий с древним корнем *газы* (*һацаы*, *гце*) в значении «река» в Аургазинском районе требует также приведения в единообразие. Это наименования двух речек: Ауыргазы и Турсагазы, а также деревни Турсагазы.

Необходимы уточнения и в написании таких известных наименований, как озеро Асылыкуль (вместо искаженных Асликуль и Аслыкуль; баш. АсылыкСл), деревни Атинган и Каварды в Хайбуллинском и Гафурийском районах (вместо Антинган и Коварды, баш. Атинган и Һауарцы). Село Куянтау в Баймакском районе (баш. Һуянтау) ошибочно обозначается в форме Куянтаево, что, как говорится, не входит ни в какие рамки.

В Абзелиловском и Гафурийском районах необходимо восстановить исторические наименования озёр Маузды (вместо Банного) и Аккуль (вместо калькированного Белое).

Представляется целесообразным унифицировать транскрипцию названий и с такой широкой распространённой основой, как *шишма*. На этот вопрос в свое время обращал внимание и профессор Дж.Г.Киекбаев. В нашей республике этот компонент включают названия 17 селений, одного рабочего поселка и района. Пишутся они двояко – с «а» и с «ы» в конце. «Написание этого слова через «а» в конце, – писал Киекбаев, – больше соответствует башкирскому и татарскому звучанию (баш. *шишм*, тат. *чишм* – «родник, ключ»)). Впрочем, в условиях Башкортостана должна быть признана вполне обоснованной транскрипция на русский язык в форме Шишма (вместо Чишмы и Чисма).

Названия на карте – полноправные памятники истории и культуры, связующая нить от прошлого к настоящему и будущему. Возвращение и восстановление исторических наименований, упорядочение транскрипции иноязычных топонимов на русский язык требуют дальнейших скрупулезных исследований и принятия приемлемых решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, представляется целесообразным подчеркнуть комплексный характер работы, который, опираясь на анализ географических наименований региона как единой системы, с привлечением материалов по всем основным разновидностям (гидронимии, оронимии, ойконимии и, по мере необходимости, микротопонимии), позволил автору утановить ряд наиболее характерных закономерностей формирования, развития и функционирования топонимии Башкортостана в тесной связи с важнейшими этапами этнической истории башкир и территории их расселения. Представляет не только научный, но и практический интерес и разработка актуальных вопросов орфографии собственных географических имен в башкирском языке. Основные выводы автора сводятся к следующему:

1. Начало формирования топонимической системы Южного Урала и Предуралья связано с древнейшими периодами расселения в регионе как ираноязычных, финно-угорских, так и ранних тюркоязычных предков башкир. При этом наиболее крупным, ведущим напластованием в топонимии региона являются башкирские географические наименования, возраст которых, как становится все более очевидным из работ последних лет, насчитывает более двух тысячелетий и первые упоминания о которых восходят ко временам отца истории Геродота (V в. до н. э.). Это так называемый скифский период в истории народов

евразийских степей, охватывающий VII-II вв. до н. э., применительно же к отдаленному прошлому племен Южного Урала – это сако-дахо-массагетский период (эпоха раннего железа). Исследуемый нами материал подтверждает мысль о том, что в скифо-сарматском мире, наряду с ираноязычными, определенное место занимали тюркские племена. Этот вывод в полной мере справедлив по отношению к предкам башкир, жившим на Южном Урале, т.е. в целом на территории их современного расселения, еще в эпоху Геродота. Их потомки сохранили богатое топонимическое наследие и донесли его до наших дней.

2. В топонимической стратиграфии Южноуральского региона, в соответствии с основными этапами исторического развития Башкортостана, выделяются следующие пласты географических наименований:

- топонимы сако-дахо-массагетского времени (VII-II вв. до н.э.;
- топонимы гуннской (II в. до н.э. -V в. н.э.) и древнетюркской эпохи (VI-VIII вв. н. э.);
- собственно башкирские топонимы IX–первой половины XVI в.;
- топонимия Башкортостана XVI-XIX и начала XX в.

В работе отмечается, что середина XVI-XIX вв. – качественно новый этап в развитии топонимии Южноуральского региона, и это связано с присоединением Башкортостана и началом переселения на башкирские земли пришлого населения – русских, татар, мишарей, украинцев, марийцев, удмуртов, мордвы и представителей других народов России. Тем самым в топонимии Башкортостана произошло становление новых этнолингвистических прослоек. При этом важнейшей базой для образования иноязычных топонимов региона, наряду с апеллятивной лексикой языков указанных народов, служило многовековое топонимическое наследие башкирского языка.

3. В башкирской топонимии в ареальном плане четко выделяются два основных аспекта – понятия исторического и современного Башкортостана. Это связано с изменениями внешних контуров башкирских земель, происходивших в прошлом. При этом характерно, что территория исторического Башкортостана, например, применительно к X – XVI векам, значительно превосходила территорию, занимаемую современным Башкортостаном. Этим и объясняется феномен башкирских по своему происхождению пластов топонимии Южного и частью, Среднего Урала, Предуралья и Поволжья, ареал распространения которых выходит далеко за пределы территории Республики Башкортостан.

4. При ареальном исследовании башкирских топонимов и определении этапов развития исторической географии Башкортостана автором в качестве опорных (индикаторных) названий использованы: собственно башкирская этнонимия; апеллятивная лексика, составляющая специфику лексики в основном башкирского языка; специфические черты и особенности башкирских говоров и диалектов, получившие отражение в топонимии (диалектизмы фонетические, лексические, морфологические).

Привлекая богатый и характерный для башкирского языка и этнонимии материал, нами с большой убедительностью раскрыты наиболее характерные контуры расселения башкир применительно к истории Башкортостана. В работе выделено шесть этапов исторической географии страны башкир: 1) древнейший период (с VII-V вв. до н.э. до VIII в.н.э.); 2) период с IX по начало XIII в., т.е. до монгольского нашествия; 3) период с середины XIII до середины XVI в.; 4) период с середины XVI до середины XVII в.; 5) период со второй половины XVII до начала XX в.; 6) время с 1917 до 30-х годов XX в. Следует пояснить, что время после присоединения Башкортостана к России, происшедшего в середине XVI в., характеризуется соответствующим выделенным выше этапам изменений исторической географии Башкортостана промышленным и колониальным освоением региона и интенсивным сокращением башкирских земель. По этой же причине происходил и процесс поэтапного сжатия территории компактного расселения башкир вплоть до начала, а с учетом утери для материнского этноса мензелинских и бугульминских башкир, до начала 20-х годов XX в. Вполне вероятно, что последующие исследователи могут внести свои коррективы в приведенную нами характеристику исторической географии Башкортостана, но, тем не менее, в целом общая картина и основные ее параметры останутся, видимо, неизменными.

5. В работе на основании выявления и анализа целого ряда специфически башкирских географических названий проведены топонимические параллели между основной территорией расселения башкир – Башкортостаном и отдаленными регионами (Венгрией, Средней Азией, Алтаем, Восточной Сибирью). Эти параллели свидетельствуют об этнических связях древних башкир с народами названных регионов, а также (что особенно важно) – о пребывании в прошлом ряда башкирских родов и племен в отдаленных от Южного Урала территориях.

6. В башкирском языкознании вопросы орфографии собственных имен до сих пор не стали темой специальных исследований. Между тем нормирование правописания географических названий, разработка точной научной транскрипции иноязычных наименований чрезвычайно актуальны. Автор в силу обширности проблемы вынужден был ограничить свою задачу двумя наиболее важными аспектами орфографии имен собственных применительно к топонимии: правописание собственно башкирских географических названий, транскрипция иноязычных географических названий. Соответственно выработан целый ряд правил и принципов правописания, отражающих практические запросы функционирования современного башкирского литературного языка. Отдельный параграф посвящен вопросу об упорядочении написания географических названий на русском языке и о восстановлении исторических наименований на карте Башкортостана.

7. В работе с помощью стратиграфического и ареального анализа представлены в целом основные, характерные особенности топонимии Башкортостана как во временном, так и в пространственном отношении. Сочетание хронологической и ареальной характеристики такого обширного региона, как Южный Урал и Предуралье, а также анализ топонимических параллелей с другими (отдаленными) территориями позволяет по-новому взглянуть на многие вопросы древней и средневековой истории башкир и сделать вывод о том, что башкирский этнос уходит своими корнями к древнейшим цивилизациям Южного Урала и вбирает в себя древний иранский, финно-угорский и тюркский компоненты, которые и представлены мощным, многослойным напластованием в топонимии региона.

Принятые в работе сокращения:

баш. – башкирский;

г., гг. – гора, горы;

гор. – город;

дер. – деревня;

диал. – диалект, диалектный;

знач. – значение;

лев.пр. – левый приток;

ложб. – ложбина;

назв. – название;

нас. пункт – населенный пункт;

обл. – область;

прав. пр. – правый приток

пгт – поселок городского типа;

р. – река;

р-н – район;

с. – село.

СПИСОК РАБОТ ПО ТЕМЕ

«Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья»

Книги

1. Словарь топонимов Башкирской АССР (БашЮрт АССР-ыныҫ топонимдар ҡыҫлға). – Уфа: Баш.кн.изд-во, 1980. – 200 с. (Автор словаря от буквы «н» до буквы «ч», объем 5 п.л. Соавторы: А.А.Камалов, М.Ф.Хисматов, З.Г.Ураксин). Под ред. Т.М.Гарипова, А.А.Камалова (отв.ред.), З.Г.Ураксина.
2. Ердеҫ хстер китабы (Книга памяти земли). – Ҙфғ: БашЮртостан китап нышрысте, 1984. – 168 с.
3. По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Дёмы. – Уфа: Баш.кн.изд-во, 1986. – 184 с.
4. Исемдәрүс – ил тарихы: Тикшеренеүдәр, мәҫлһләүс (Свидетельствуют имена: Исследования, статьи). – Ҙфғ: Китап, 1993. – 256 с.

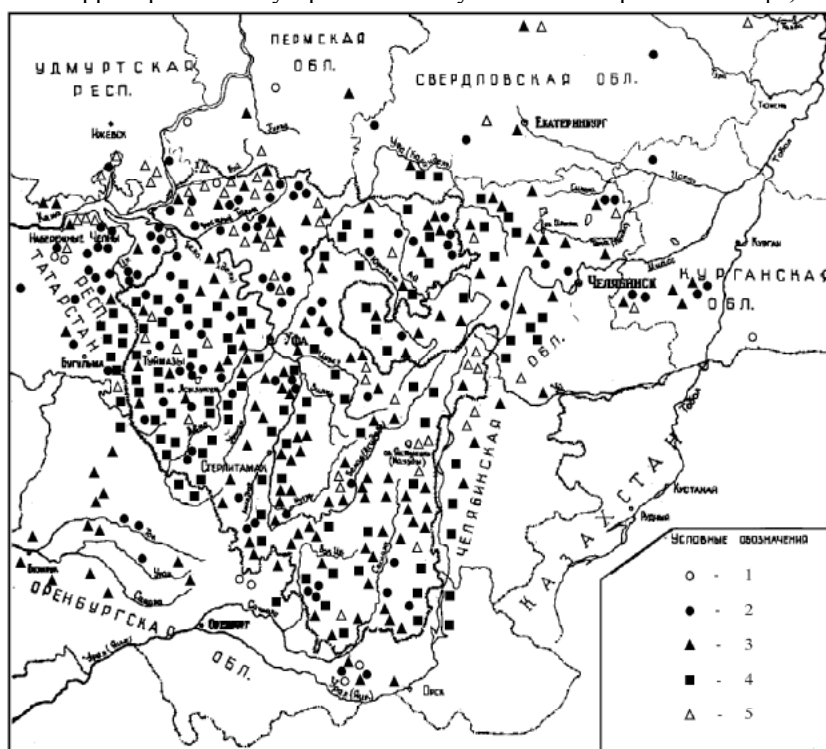
Рецензии на книги соискателя

1. Байымов Б. Исемдәрүс – илдеҫ тарихы // Совет БашЮртостаны, 1984, 15 декабрь.
2. Ураксин З.Ҙ. Тере хстер // Аңицел. Ҙфғ, 1985, № 8. – С.122-123.
3. Ураксин З.Г. Память земли // Советская Башкирия, 1987, 3 января.
4. Галяутдинов И.Г. Путешествие в страну топонимии // Вечерняя Уфа, 1987, 5 января.
5. Медведева С.Ю. [Реферат на книгу] Шакуров Р.З. По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Дёмы. – Уфа: Баш.кн.изд-во, 1986 // Реферативный журнал: Языкознание. 1987, №1.
6. Нафилов Ш. Ҙилми ниגעцле, киҫ фекерле // Йшлек, 1994, 16 июня.
7. Моталов М.Ҙ. Ил тарихын каҫлай исемдәр // БашЮртостан уҫытыусығы. Ҙфғ, 1994, № 11. – С.69-70.
8. Salihov A. Baskurdistan tarihi: Toponimika acisindan // Turk duneasi. Tarih dergisi (Ekim 1995) Sayi: 106. – С.28-29.

Статьи в журналах и тематических сборниках, тезисы докладов и сообщений

1. Структура башкирских топонимов // Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков. – М., 1973. – С.57-70.
2. Ономастическое наследие в башкирских шежере // Ономастика Поволжья – 3. – Уфа, 1973. – С.422-428.
3. События и имена героев Крестьянской войны 1773-1775 гг. на Южном Урале // Участие народов в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции 3-5 июня 1974 года. – Уфа, 1974. – С.71-74.
4. Башкирские топонимы от личных имен / По материалам географических названий бассейна реки Дёмы // Башкирский языковедческий сборник. Уфа, 1975. – С.109-115.
5. Отводная книга по Уфе» 1591, 1592-1626 гг. как топонимический источник // Вторая Южно-Уральская конференция по археографии и источниковедению истории литературы и языка: Тезисы докладов и сообщений. – Уфа, 1975. – С.96-98.
6. Этнотопонимы бассейна реки Дёмы // Башкирский языковедческий сборник. -Уфа, 1975. – С.116-123
7. Кҫндәрүсҫей буйы – кҫк ҫлһн: Топонимист ямалары // Аңицел. – Ҙфғ, 1975, №10. – С.104-109.

8. Ялан-катайские башкиры и их топонимия // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции 3-5 июня 1976 года. – Томск, 1976. – С.143-147.
9. Башкирские топонимы бассейна реки Большой Иргиз.(В соавторстве с У.Ф. Надергуловым.) // Ономастика Поволжья – 4. – Саранск, 1976. – С.209-212.
10. Отводная книга по Уфе» как источник по топонимии Башкирии // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. – Уфа, 1977. – С.84-88.
11. Асылык Слгс сәйхәст // Тәһзиз ерем. – Тһфг: БашЈортостан китап нәшристе, 1980. – С.38-42.
12. Рифмованные имена у башкир // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С.43-48.
13. ТелдеГ тһрһндһге тамырцары // Аһицел. – Тһфг, 1980, №5. – С.107-112.
14. Башкирская диалектная лексика в топонимии Южного Урала и Предуралья // IX конференция по диалектологии тюркских языков: Тезисы докладов и сообщений. – Уфа, 1982. – С.51-53.
15. Нагайбак: антропоним-топоним-этноним // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1987. – С.119-126.
16. Выявление и восстановление иноязычных исторических названий // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры» 17-20 апреля 1989 года: Тезисы докладов и сообщений. М., 1989. – С.95.
17. Бында Лигһалар тоташа: Урал мғһжизслһре // БашЈортостан Лыцы. Тһфг, 1990, № 3. – С. 16-17.
18. Ж.Б. Кейекбаев һецмһттһрһндһ ономастика мһсһслһслһре // Профессор Дж.Г.Киекбаев и проблемы алтаистики: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. – Уфа, 1991. – С. 42-45.
19. Тарихи атамалар – тел кһм мһсһнһст ЈомартЛылары // БашЈортостан, 1996, 29 март.
20. Башкортостан (в соавторстве с У.Ф. Рахматуллиным) // Башкортостан: Краткая энциклопедия.– Уфа, 1996.–С.163-164.
21. Ономастика // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С.448
22. Ареальная характеристика башкирской топонимии Южного и Среднего Урала // Геоэкология в Урало-Каспийском регионе: Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Ч. 1/ – Уфа, 1996. – С.130-134.
23. Времен связующая нить // БашЈортостан уЛытыусыкы. – Уфа, 1997, № 1. – С.55-56.
24. Сердце Урала (В соавторстве с Ш.Р. Шакуровой) // Памятники Отечества. – М., 1997, № 2 (38). – С.82-84.
25. Курганские башкиры (История, язык и топонимия) // Ватандаш. – Уфа, 1998, № 1. – С.124-128.
26. Башкортостан и башкиры на картах Евразии // Ватандаш. – Уфа, 1998, № 2. – С.174-178.
27. Столичный город и язык коренного народа // Ватандаш. – Уфа, 1998, № 4. – С.87-90.
28. К вопросу об упорядочении написания географических названий и о восстановлении исторических наименований на карте Башкортостана // Проблемы совершенствования административно-территориального устройства Республики Башкортостан. – Уфа, 1998. – С.98-102.

Башкирские топонимы
Южного Урала и Предуралья. 37

- 1—топонимы от этнонима *баш.Юрт (башкир)*, башгорд, иштяк, истяк;
- 2—топонимы от названий башкирских родов и племен *таз, тазлар, айле, бадрак, байлар, бурзян, буляр, дуван, дуваней, ельдяк, еней, ирякте, йылан, калмаш, камбар, канлы, катый, кувакан, кудей, кыргыз, кыпсак, мин, суран, табын, тамьян, танып, тангаур, тиляу, тук, тюрюш, усерган, юмран, юрматы, юрми* и др.;
- 3—топонимы от специфически башкирских компонентов *ыл (ик), Һаҗы, Һәҗе (газы), Һаҗы (казы), Һаҗаҗ (Һазак), сал, ман, бесмш / псеш (письмян), айыр, уй, уяҗ (уяз), Лурһы (курғы), мшлксс / бшлксс (мелекес)* и др.;
- 4—топонимы от специфически башкирского термина *Һаран (каран)*;
- 5—топонимы со специфически башкирскими формантами *-ды, де; -һы, -һе; -һы, -һе*.